Посрамитель шайтана

Автор:
Андрей Белянин

Посрамитель шайтана

Андрей Олегович Белянин

Багдадский вор #2

Интересно, а что делает рослый москвич, бывший помощник прокурора, не хило оторвавшийся в своё время в благословенном Багдаде, когда встречает на ночной улице узкоглазого джинна с ящиком пива под мышкой?! Разумеется, радуется, кричит: «Здравствуй, Бабудай-Ага!» и всё такое… Но уж конечно не ждёт, что тот прямолинейно заявит: «Очень скучно без тебя на Востоке, Лёва-джан!»… А ведь именно так всё и произошло…

И вновь ярко-синее небо пустыни распахнуло свой купол над бесшабашной головой Льва Оболенского! И вот уже притворно разводит руками хитроумный «визирь» Насреддин, а в султанском стойле нетерпеливо пристукивает копытцами отчаянный ослик Рабинович. Где-то далеко звенят клинки городской стражи, и нежный взгляд луноликой Джамили, вдовы вампиров, снова полон любви и веры. Караванщики и дервиши, горожане и дехкане, торговцы и ремесленники шёпотом пересказывают друг другу волшебные легенды о неуловимом Багдадском воре, хохоча как сумасшедшие.

И опять нет ни покоя, ни сна всем властителям и тиранам, ибо в городе появился голубоглазый удалец из заснеженной России, да обгрызёт шайтан ему все ногти на ногах! Хотя на самом деле именно шайтану-то и достаётся больше всех…

Андрей Белянин

Посрамитель шайтана

«Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Склонимся с молитвой к престолу Всевышнего и с молитвы же начнём наше повествование. Воистину велик Аллах на небесах, чудны его деяния, велики помыслы и безмерна благодать, изливаемая миру!

Ибо в неизмеримой доброте своей и заботе о праведных душах изгнал он из славного города Багдада бесчестного и непочтительного Ходжу Насреддина, по прозвищу «возмутитель спокойствия», да поглотит шайтан его своим нечистым чревом…

Да не ступит нога наглеца и пройдохи ни на один порог честного мусульманина ни в Бахре, ни в Самарканде, ни в Стамбуле, ни в Коканде, ни в Хорезме, ни в Бухаре…

Ужасны его прегрешения, бездонна пропасть порока, и велика награда за голову бесчинного отступника!

Но первый, кто нашёл этого сына греха, был молодой человек с кожей белой, как снега далёкого Мин-Архара, и глазами голубыми, как купола минаретов Хивы, а имя его звучало, подобно грому барабанов славного Бишкека, – Лев Оболенский!

А о чём, собственно, речь? – спросите вы. Речь о продолжении… Нет, то, что сейчас вы держите в руках продолжение популярного романа о Багдадском воре, было ясно ещё при беглом взгляде на обложку. Дело не в этом. Повторяю, суть в продолжении… Неужели вы не чувствуете затаённую магию самого этого слова – продолжение…

Нечто, что ранее было таким близким и родным и что, казалось, в какой-то момент ушло безвозвратно и не в твоей воле было даже окликнуть его, вдруг… неожиданно… само… обернулось, блеснув белозубой улыбкой… Продолжение! И те же слова, и тот же слог, и загар, и лукавые морщинки у глаз, и неуловимо-томный, пьяняще-дразнящий аромат сказочного Востока… Продолжение! Почти забытый перезвон ножных браслетов, и дикая мелодия бубна, и красная хна на твоих пальцах, и обволакивающий поцелуй жарких девичьих губ! Продолжение…

Но главное, что на этот раз я сам (представляете, сам!) был всему свидетелем. А ведь как буднично всё начиналось – рядовая командировка москвича в Астрахань, по служебным делам. Ни знамений, ни предсказаний, ни даже тоненького голоска интуитивного предчувствия, мой друг Оболенский просто зашёл ко мне в гости…

– Андрюха, сколько лет, сколько зим!

– Весною виделись, Лев, – сдержанно выдохнул я: наши дружеские объятия всегда напоминают встречу медведя и дрессировщика. В смысле вопроса, кто кого помял, никогда не возникает, он крупнее…

– Слушай, старик, у вас тут классный город, – шумно продолжал Оболенский, пока я накрывал на стол. – Сейчас иду к тебе с остановки, навстречу та-ка-я-а девушка-а-а… Мордашка, фигурка, походка, и… на ней же одежды практически никакой!

– Лето, – пожал я плечами. – На улице почти плюс сорок, чего ты хочешь?

– Нет, но на ней… это… даже белья… практически нет?!

– Стринги, скорее всего, есть, – подумав, успокоил я. – А насчёт бюстгальтера ты прав, этого нет. Кто их в Астрахани летом носит – грудь вскипит…

– У меня тоже всё вскипело, – покаянно кивнул он. – Самому неудобно, в следующий раз я к вам лучше с женой приеду…

– Коран гласит: если мужчина, увидев красивую женщину, испытал вожделение, то он обязан рысью лететь домой, дабы удовлетворить огонь страсти с законной супругой! Посрамив тем самым шайтана и доставив радость Аллаху…

– Аллах велик, – не стал спорить православный потомок князей Оболенских.

Разговор плавно переместился в сторону ирано-персидской поэзии и псевдоэтического спора на тему: имел ли я право в прошлом романе приписать собственное стихотворение бессмертному Омару Хайяму? Которое, кстати, ой как мало кто опознал…

Посидели очень душевно, он ушёл от меня уже ближе к полуночи, благо темнело поздно. На предложение переночевать отказался категорически. Во-первых, у него оплаченный «люкс» в гостинице «Лотос», а во-вторых, он страшно любит гулять по ночным провинциальным городкам, наслаждаясь звёздами, свежим воздухом и романтическими воспоминаниями. А потом, такси у нас по московским меркам просто баснословно дёшево, и если ему наскучит бродить… Короче, он обещал позвонить наутро.

В обед я звонил ему сам. Лёвин мобильник находился «вне зоны действия сети». В гостинице тоже сказали, что гражданин Оболенский в своём номере не ночевал. Как понимаете, к вечеру я уже был малость на нервах – Лёва пропал…

Ещё через какой-то период метаний и сомнений я втихую попросил совета у своих друзей из милиции. Разумеется, они дружно посоветовали мне не пороть горячку и с вполне понятной долей раздражения (ещё бы, после звонка в час ночи!) подробно рассказали, где и как можно культурно «зависнуть» в нашем благословенном городке так, чтобы отдохнуть душой и телом от московской суеты…

На мои протесты об имеющем место «высоконравственном моральном облике» моего друга они тихо матерились сквозь зубы, ещё раз поясняя, что у командированных летом, без жены, целомудрие атрофируется первым… Однако если уж завтра этот «царь зверей» не объявится, то… звони, поищем по нашим каналам!

Я медленно опустил трубку, с ужасом представляя поиск Льва по четырём речным каналам, проходящим сквозь город. Потом чуточку успокоился, логично предположив, что милиция имела в виду несколько иное… Спал плохо. Но то, что меня ждало утром, было ещё хуже – позвонила Машенька, жена Оболенского. Видите ли, сотовый Лёвушки не отвечает, а ей без родного голоса уже немножко скучно…

– Всё просто замечательно! – надрываясь, врал я. – Ты же знаешь, в нашей глухомани Московская сотовая практически не берёт. А ведь я говорил Льву, переходи на Билайн! Что? А, где он сейчас?! Знаешь… на пляже! Да, вот только ушёл, буквально с полчаса назад… Нет, не переживай, разумеется, я за ним присматриваю. Он у тебя кремень-мужчина, вот вчера, помнится, встретили мы

с ним симпатичную такую астраханку, практически без ничего, и… Нет! Нет! Нет, приезжать не надо! Я ж и говорю, это меня она чем-то там заинтересовала, а Лев прошёл мимо, даже не взглянув! Ну а то… честное слово! Скажу… непременно, всё ему скажу… Что-то ещё передать? Поцелуй… а он правильно поймёт?!

Повесив трубку, я добрых десять минут тупо рассматривал в зеркале красную физиономию прожжённого лжеца. Зрелище настроения не прибавляло…

А тут ещё раздался стук в дверь. Я поплёлся в прихожую, посмотрел в глазок и понял, что открывать не надо – на площадке, у лифта, стоял здоровенный загорелый бомж в рваном халате, грязной чалме и остроносых тапках на босу ногу. Сейчас их у нас много побирается, то ли узбекские цыгане, то ли казахские турки, то ли… Стук повторился, уверенно и настойчиво.

– Меня нет дома! – как можно суровее рявкнул я.

– Открывай, витиеватый шайтан тебе сзади в джинсы! – царственно раздалось из-за двери. – Андрюха, не томи, Аллах не простит, и я обижусь!

Когда мой друг Лев Оболенский ввалился в квартиру, я не знал, с чем к нему броситься – с объятиями или кулаками?

– Без комментариев. Все вопросы после ванной. На мне уже блохи со вшами в чехарду играют, хочешь, поделюсь? Тогда пусти совершить омовение…

– Стиральная машина ждёт-с, залезай, – гостеприимно предложил я.

Полчаса спустя чисто вымытый, побритый, исхудавший, но довольный Лев в моём махровом халате, трещащем у него на плечах, вышел из ванной комнаты. Первое, что он сделал, – это попросил меня сию же минуту взять ручку и тетрадь. Можно подумать, я и сам не догадался бы…

– Записывай, быстро, пока помню, – сел на кухонный табурет, встал, заглянул в холодильник, вытащил початую бутылку аргентинского «Tosso», снова сел и продолжил: – Непроверенный хадис! В смысле откровение от Аллаха, но ещё не утверждённое ни одним учёным суфием. Звучит так: «И не фиг шляться

ночью по незнакомому городу, когда шайтан, не дремлющий даже днём, с заходом солнца вообще бодрствует напропалую!» Успел? Тогда давай пиалы и штопор.

– Пиал в доме нет, обойдёшься хрустальными фужерами.

– Пиал нет, кумганов нет, хорезмских ковров нет, кокандских блюд для самаркандского плова тоже небось нет?! Андрей, ты же великий, блин, писатель, а живёшь, как… – Оболенский перехватил мой взгляд на казачью шашку в углу и, вздохнув, закончил: – Ладно, согласен на остатки оливье и холодный борщ в кастрюльке. Твой обед – мой рассказ, идёт?

– Уговорил. – Я выставил на стол два фужера, Лев церемонно наполнил их рубиновым вином.

– За то, чтобы впредь ни к кому из нас, нигде никогда не подходил пьяный джинн с нетрезвым предложением: «Пойдём, дорогой, без тебя в Багдаде такая скука…»

Я едва не поперхнулся! Багдад?! Это что же, выходит, он снова был на…

– Нет, – спокойно ответил мой друг. – Если честно, то сначала это был Коканд. Что я пережил, мама родная… И всё из-за этого Ходжи Насреддина, карданный вал ему в заднюю дверцу! А ведь я уже практически стал честным человеком…

Глава 1

По возвращении всегда скапливается столько дел – обнять сына, погладить собаку, пожурить жену, пострелять её гостей… Ничего не перепутать!

Одиссей с Итаки

Получалось, что лично он, Лев Оболенский, ничего предосудительного не совершал. В ту памятную ночь он ушёл от меня спокойный и счастливый, действительно намереваясь совершить размеренный подлунный променад

и не более…

Летние звёзды в Астрахани висят низко и кажутся тонко выкованными, скорее из белого золота, чем из северного серебра. Они столь чисты, что подобны хрусталю – приглядевшись, можно через одну большую разглядеть тысячу маленьких. Их блистающая россыпь на Млечном Пути не ощущается острой, она лишь щекочет босые пятки ангелов…

Мой друг так увлёкся, что почти не смотрел себе под ноги, а в результате за каким-то поворотом грудью врезался в группу нетрезвых азиатов. Это были обычные узбекские разнорабочие, гастролирующие без документов почти на всех строительных площадках нашей великой страны. Работают за копейки, стараются, как могут, по-русски говорят из рук вон плохо, да и пьяными бывают крайне редко. Но в этот раз были…

– Ай, шайтан! – злобно ощерились двое самых пострадавших, вылезая из придорожных кустов. Трое удержались на ногах…

– Уф, мужики, – добродушно пожал плечами Лев. – Ну, призадумался, виноват, с кем не бывает…

– Зыдес людъи ходят, э?! Карим, съкажи… Иде Карим?!

– Вай дод… – вместе со всеми выдохнул наш герой, когда понял, что шестой узбек от столкновения с ним рухнул в неплотно прикрытый канализационный люк. Он даже первым полез его вытаскивать и, помнится, был жутко поражён, что у извлечённого (но дурно пахнущего) бедолаги оказалось безумно знакомое лицо…

– Бабудай-Ага?!

– Ага, конечно! – в тон откликнулся мокрый гастарбайтер, ни капли не коверкая русский язык. – Слушай, ну нигде от тебя покою нет, раз собрались по-человечески выпить с друзьями и… нате вам – поборник нравственных устоев припёрся! А ведь за тобой ещё с прошлого раза ящик пива числится…

– Бабудай-Ага! – не веря своим глазам, возопил Оболенский, едва ли не бросаясь азиату на шею. – Какими судьбами, старина? А как там дедушка Хайям, а Ходжа, а Рабинович, а все наши?! Да я тебе не один ящик поставлю, только расскажи…

– Вах, – отмахнулся тот, кого другие называли Каримом, и тоже дружески приобнял Льва. – Что зря рассказывать буду, от слов больше ветра, чем дел… Сам иди посмотри. А то очень скучно без тебя в Коканде… и в Бухаре, и в Хорезме… без тебя, Лёва-джан, такая скука! Пойдём, дорогой…

Вот тогда потомок древнего дворянского рода, бывший зампрокурора, отец семейства, верный муж и законопослушный российский гражданин впервые испытал удар звезды в лоб! Или по лбу, но это скорее скользящее попадание, а ему досталось именно в лоб! Он хлопнулся навзничь, гулко ударившись затылком и лишь на секунду зажмурив глаза от немыслимой боли. Лев открыл их спустя вечность от бьющего в лицо восточного солнца!..

Далее был крик… Приводить его в полной звуковой гамме нет смысла, достаточно того, что разморённый полуденной жарой Коканд вздрогнул. Под перепуганным стражником встала на дыбы гнедая лошадь, какая-то женщина в чадре уронила кувшин с головы, уличные мальчишки испуганно прыснули по подворотням, и даже мулла из ближайшей мечети точно запомнил час, когда он услышал «крик шайтана, на чей хвост наехало колесо колесницы святого Хызра», ибо человек так орать не может…

Оболенский сел и протёр глаза. Он находился в самом центре небольшой утрамбованной площади, судя по всему, гончарного квартала незнакомого восточного города. Неподалёку высилась украшенная резным кирпичом мечеть. По площади сновал народ. Люди, на мгновение сражённые Лёвиным криком, вновь возвращались к своим делам. Хотя два наиболее любопытных бедняка всё же подошли поближе:

– Да защитит тебя Аллах, почтеннейший чужеземец. Не ты ли издал этот ужасающий рёв, подобный рёву бесчестного иблиса, оплёванного верблюдом праведного мусульманина?

– Айм нот дую спик узбекстэн… – привычно начал наш герой, но вовремя опомнился. – Хотя нет… какого фига! Я прекрасно говорю по-узбекски, мать вашу!

– Видно, ты великий мудрец, о чужеземец, знающий разные языки и почитающий наших мам. – Оболенскому услужливо помогли подняться. – Скажи, зачем ты сидел на земле? Зачем так кричал? У тебя большое горе, кто-то умер?

– Я сам… в фигуральном смысле, – поправил Лев, видя, как вытянулись лица заботливых горожан. – Просто этот зараза джинн (чтоб ему сдохнуть без опохмелки!) забрал меня из моего мира и перенёс в ваш. А кто его просил, спрашивается?! Это в прошлый раз я был головой об асфальт с налёту ушибленный, сразу кома, лазарет, пробирки-капельницы-клизмы… Но сейчас-то я всё помню!

– Ты… долго стоял на солнце с непокрытой головой? – после секундного замешательства угадал один.

– Да нет же!

– Вай, он сказал «да» или «нет»? – удивился второй. К их экспрессивному разговору начали прислушиваться, любопытный народ, отложив повседневные дела, спешил посмотреть на чудно одетого чужестранца, говорящего странные вещи.

– Я имел в виду, что уже был здесь! Ну, на Востоке… В частности, в Багдаде. А это вроде другой городишко?

– Это благословенный Коканд, город ковров и пряностей!

– Н-да, название подходящее и запашок чувствуется, только не уверяйте меня, что корица пахнет сероводородом… Так вот, меня в Багдад дедушка затащил с помощью джинна. Он вообще любитель залить за воротник пиалку-другую кой-чего покрепче простокваши… Дед в смысле! Да, и звали его… звали его… Аллах Акбар! Нет, Хвала Хайям… нет, вот ведь вертится на языке… рак, краб, лобстер… Лобстер Хайям! Опять не то, но вроде…

– Хайям Омар? – тихо предположил кто-то.

– Точно! – восторженно взревел Оболенский. – Хайям Омар – это мой якобы дедушка! Тот самый, который написал:

Нежным женским лицом и зелёной травой

Буду я наслаждаться, покуда живой!

Пил вино, пью вино и, наверное, буду

Пить вино до минуты моей роковой!

– Вай дод, он читает такие вещи вслух, – испуганно начал озираться народ. – Воистину, кто бы посмел, кроме сумасшедшего…

– И ещё там был такой Ходжа Насреддин, домулло называется, так с ним мы вообще корифаны не разлей кумыс… А чего это все разом припухли?

Он не сразу обратил внимание, как быстро вокруг его величественной особы образовалось пустое пространство. Из-за спин простого люда показались длинные копья стражи; раздвигая толпу грудью коня, вперёд выдвинулся крючконосый всадник в богатой одежде…

– Кто произнёс имя проклятого Аллахом и всеми честными мусульманами возмутителя спокойствия, безбожника и проходимца Ходжи Насреддина, да иссохнут его внутренности, подобно листьям бесплодного карагача в засушливую пору?!

– Это вы про Ходжулю, что ль? – окончательно затягивая петлю на своей же шее, уточнил Лев. – Ну, не такой уж он и гад, больше прикидывается…

Шестеро стражников с суровыми лицами в мгновение ока взяли незадачливого россиянина в кольцо. Несколько секунд, прикрыв глаза от жгучего стыда, Оболенский искренне поражался глубине собственной глупости. Таким беспросветным идиотом он не ощущал себя ещё никогда… После чего, низко опустив кудрявую голову, бывшая гроза Багдада позволил с почётом сопроводить себя в сторону возвышающейся над низкими домишками голубой громады султанского дворца. То есть день не задался с самого начала…

Крючконосый всадник оказался главой кокандских стражников и носил звучное имя Аслан-бей. От достойного господина Шехмета, главы багдадской стражи, он отличался разве что более мелким ростом и нравом ярого служаки. И происходил из богатой семьи, впитав вкус к использованию плети уже

с младенчества, так что печать порока давно отложила след на его холёном лице…

Сам Коканд превосходил Багдад не столько размерами, сколько степенью куда большей угнетённости местных жителей. Если Селим ибн Гарун аль-Рашид, да сохранит Аллах память о нём для благодарных потомков, карал сурово только за воровство, султан Коканда был столь же суров во всём! Уже на подходе к его дворцу побледневшему Оболенскому продемонстрировали врытые в землю колья – на них по субботам сажали ослушников. А у самых ворот, в пыли, сидели на корточках скованные железом люди – они ждали «скорого и праведного суда»…

Лев не был связан, но прекрасно понимал, что в одиночку он не управится с шестью опытными стражниками, а при первой же попытке прыгнуть в проулочек и сбежать уверенно получит длинную стрелу в спину. Но самое худшее – это то, что у него неожиданно жутко зачесались пальцы! Причём не от страха и не просто так, он слишком хорошо помнил это покалывающее ощущение – надо срочно что-нибудь украсть! Хоть что-нибудь… Но рядом была только стража, хотя… почему бы и нет?

Глава 2

В наше время никому нельзя верить. Особенно всяким писателям…

Барон Мюнхаузен

Когда я записывал всё это, у меня не было ни малейшего сомнения в искренности Льва. Не то чтобы его кристальная честность давно и повсеместно вошла в поговорку, но, с другой стороны, он никогда и не врал без причины. А, уж согласитесь, нормальному мужчине, даже с самым средним уровнем фантазии, всегда есть что придумать в своё оправдание за недолгое отсутствие неизвестно где… Тем паче врать о Востоке!

Да будь в его рассказах хоть один-разъединственный ляп – меня и Оболенского давным-давно заслуженно посрамили бы суровые и неподкупные критики.

Поэтому я не перебивал его, не лез с глупыми комментариями, а лишь иногда изредка задавал уточняющие вопросики типа: «А ты сам-то в это веришь?!» Пару раз Лев даже обижался, цветисто посылая меня в самое тёмное место у шайтана под хвостом…

Султан благословенного города Коканда носил достославное имя Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде! По крайней мере, один большущий плюс у него в его системе законоисполнения был: задержанного Оболенского не стали томить в тюрьме, засовывая в вонючую яму-зиндан, а сразу же, без малейших проволочек, направили пред сияющие очи правоверного защитника и властителя всех законопослушных мусульман. То есть нашего российского гражданина приняли к судопроизводству без проволочек. В иной ситуации Лев как бывший юрист, несомненно, оценил бы это, но не сейчас…

А сейчас его втолкнули в небольшой, но очень изысканный сад под открытым небом, с павлинами, пальмами и традиционным мраморным фонтанчиком прямо посреди дворцового комплекса. Навстречу страже вышел суетливый мужчина в дорогом халате и островерхой чалме, явно советник или какой-нибудь зам. Он о чём-то быстро переговорил с Аслан-беем, внимательно посмотрел на Оболенского, неодобрительно поцокал языком и ушёл.

– Припекает… – ни к кому особенно не обращаясь, буркнул наш герой.

– Ты можешь сесть, нечестивый пёс, – милостиво кивнул глава городских стражников. – Султан скоро выйдет, и если ты не тот, за кого себя выдаёшь, сегодня же вечером тебе придётся молить о смерти шестерых палачей, заживо сдирающих с тебя кожу!

– За что?! Я мирный турист, ничего не делал, никого не трогал, я требую российского консула, и у меня в паспорте штамп дипломатической неприкосновенности!

– Ты лжёшь, как дышишь. – Так презрительно и верно Льва не ставили на место ещё никогда. На мгновение кровь бросилась ему в лицо, он воспылал местью и жутко пожалел, что в тот памятный вечер вышел на улицу без пулемёта. Танк тоже мог бы пригодиться, или крейсер, или…

– Если бы не планы нашего пресветлого султана, да продлит Аллах годы его правления вечно, ты бы уже издыхал на площади, извиваясь на деревянном колу, пронзившем твою смрадную задницу!

– Вай мэ, ей ни за что не сравниться смрадом с твоим дыханием, почтенный Аслан-бей, – вежливо ответил кто-то, прежде чем горячий русский дворянин успел сам постоять за свою попранную честь. В смысле встать-то он встал и даже протянул руку к маленькому дастархану, явно намереваясь использовать резной столик не по прямому назначению, но стража не дремала. Миг – и три оперённые стрелы с чёрными, как клювы ворон, наконечниками уставились ему в лицо… Именно в этот роковой момент меж ним и стражей спокойно встал невысокий, но очень толстый человек.

– Господин новый визирь, – скрипнул зубом Аслан-бей.

– Господин главный визирь, – мягко поправил его толстяк. – Если наш великий султан, да избавят его небеса от перхоти в бороде, соблаговолил дать мне, ничтожнейшему, столь высокую должность, то уж наверняка он сделал это от своего ба-альшого ума! Или у кого-то есть тень сомнений в божественном разуме нашего правителя?!

– Аллах да покарает этого нечестивца. – Поклонившийся глава стражи сдал позицию.

Удовлетворённо кивнув, главный визирь соизволил наконец повернуться и к Оболенскому. Цепкие узкие глазки глянули в его сторону всего один раз. Толстяк поправил пышно завитую колечками бороду и безапелляционно заявил:

– Лицо этого негодяя отмечено печатью порока, он, конечно, пройдоха и лжец, но вряд ли тот самый человек, о поимке которого вы, о поспешливый, оповестили весь Коканд…

– Он сам признался!..

– Вай мэ, кто не знает, как легко наша доблестная стража пишет самые искренние признания кизиловыми палками на пятках несдержанных в речи мусульман…

Аслан-бей пошёл пятнами, казалось, ещё мгновение, и он бросится на главного визиря с кулаками, тем паче что пузан явно на это нарывался… Однако, вопреки чаяниям, глава блюстителей правопорядка неожиданно бросился к нашему бедолаге, схватил его за воротник и отвесил две хлёсткие пощёчины:

– А ну, говори, сын шакала, говори своё имя! Главный визирь хочет сам, своими ушами услышать, как тебя называли в Багдаде… Святой Хызр? Алишер Навои?! Или, может быть, сам великий Ибн Сина?!! Скажи нам своё истинное имя, имя, имя!!!

Толстяк беспомощно прикрыл глаза, словно бы «умывая руки», хотя откуда он-то мог знать, что сейчас произойдёт… А произошло следующее: могучая лапа Льва поймала холёную ладонь господина Аслан-бея на третьем взмахе, сжав её так, что раздался хруст костей! После чего, перехватив второй рукой пояс онемевшего от ужаса кокандца, он нежно поднял его над головой и, не целясь, запустил в стражников с луками. Четверо человек дружно рухнули в фонтан! И только после этого неожиданно тихо, внятно, чётко выделяя каждое слово, он ответил:

– Меня зовут Лев Оболенский…

За его спиной раздались одобрительные аплодисменты.

– Воистину этот человек храбр, силён и глуп, но пусть воины не опускают луки… – капризным, даже чуточку женским голоском объявил великий султан Коканда, выступая на сцену.

Главный визирь изобразил самый низкий поклон, бултыхающиеся в фонтане стражники тоже попытались принять соответствующие этикету позы, но у них это вышло смешнее… Сам же Лев, опустив глаза, с удивлением уставился на низкорослого худющего коротышку с отвисшим пузцом и тоненькими ногами. Плюс к вышеперечисленным достоинствам Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде обладал неровной кустистой бородёнкой, красным прыщавым носом и замашками изощрённого садиста. Однако мозги он, видимо, имел хоть какие-то…

– Мой главный визирь, Хасан аль-Хабиб ибн Бибип, и мой бесстрашный Аслан-бей, мы застали вас обоих в момент спора об этом ничтожном чужестранце.

Да, его внешность подходит под описание великого Багдадского вора, доставленное нашими соглядатаями. К тому же он сам откликается на это шайтаноподобное имя… Всем ли известно, как в нашем благословенном Коканде карают воров, лжецов и ослушников? Итак, скажи нам, о сын греха, ты ли тот самый Багдадский вор, у нас есть на тебя виды…

– Нет, – подумав, соврал Лев. – Я случайный прохожий, здесь проездом, готов извиниться перед вашими фараонами, но так как сам ничего противоправного не делал, то…

– Он сказал «нет»… – скучно покачал головой султан. – Что ж, тогда нам надлежит просто отрубить ему голову за бунт, непочтение и нанесение побоев нашей возлюбленной страже!..

У Оболенского подкосились колени. Злобное лицо Аслан-бея, тайком выжимающего чалму, озарилось счастливой улыбкой. Муслим аль-Люли бодро развернулся, считая вопрос решённым, но Хасан аль-Хабиб ибн Бибип не вовремя подал голос:

– О светлейший среди светил, о светоч мудрости среди наимудрейших, если ты позволишь мне, своему ничтожному рабу, сказать слово, я докажу, что именно этот человек и есть Багдадский вор!

Глава 3

Ваших друзей да в наш бы музей…

Реклама Кунсткамеры

Главный визирь поправил завитую бороду, ещё раз поклонился, дождавшись милостивейшего кивка кокандского султана, и, подтянув необъятное брюхо, бодро взялся за дело. Он пристально осмотрел нашего героя, дважды или трижды обошёл его по кругу и вдруг резким уверенным движением запустил руку Льву в карман длинных летних шорт – на свет божий явились два кошелька, кусочек недоеденного чурека, потёртые игральные кости,

три китайские монетки с дырками посередине, один шёлковый платочек с буквами «О+Д» арабской вязью, золотая цепочка с полумесяцем и амулет в виде сухой кроличьей лапки…

– О шайтан, это же наше! – в голос возопили честные стражники, узнав собственное имущество.

Толстяк победно воздел указательный палец вверх:

– Проницательный взор нашего сиятельного султана легко и сразу опознал этого бесчестного наглеца, ибо никому не дано бросить даже тень обмана на солнцеподобное чело блистающего разумом нашего повелителя! Вот медноголовый Аслан-бей, например, ни о чём не догадался…

– Что?! Да я первый его поймал! Я сразу узнал, что он и есть тот самый вор! Я первый…

– Вай мэ, – укоризненно поцокал языком визирь. – Кто это смеет в присутствии самого султана верблюдоподобно кричать: «Я – первый…»?!

Глава стражи успешно прикусил язык. Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде нахмурил бровки, похоже, он действительно не любил делиться пальмой первенства.

Султан сурово поманил пальчиком Льва:

– Мы узнали тебя! Легенды о неуловимом Багдадском воре, голубоглазом, высоком и светлокудром, ограбившем дворец Селима ибн Гаруна аль-Рашида и опозорившем многих достойных жителей, достигли нашего слуха. Признаёшь ли ты эти ужасные преступления?

– Бред какой-то… – Оболенский старательно постучал себе кулаком по лбу, словно надеясь, что всё происходящее окажется горячечным сном и развеется на рассвете. – Отвали, пингвин в будёновке, ничего такого я не делал…

– Как он нас назвал?

– О кладезь мудрости, – тут же подкатился едва не поперхнувшийся Хасан аль-Хабиб ибн Бибип. – Пингвин – это чудесная птица дальнего Севера, отличающаяся редким умом, неизбывной красой и божественным голосом. А будёновка… это… это…

– Очень симпатичная революционная тюбетейка красноармейских джигитов, с ушками и звездой, – уже срываясь, добил наш герой. – Нет, ну серьёзно, что вам всем от меня надо?!

– Мы желаем, чтобы ты крал для нас! – топнув ножкой, взвыл султан.

На мгновение повисла нехорошая тишина (присели все!) – на изысканно утончённом Востоке подобные заявления открыто не делаются. Стражники распахнули рты, визирь начал что-то насвистывать, а Оболенский со скрипом прочистил указательным пальцем ухо. Видимо, и сам властитель понял, что сболтнул лишнее…

– Мы утомились пустыми разговорами и изволим вкусить сон в нашей опочивальне. Пусть этому недостойному глупцу объяснят, в чём его истинный долг как правоверного мусульманина и верного подданного… – Муслим аль-Люли строго зыркнул на каждого участника, зачем-то похлопал кулаком по брюху главного визиря и поманил за собой Аслан-бея. – Ты пойдёшь с нами, нам угодно кое-что сказать тебе наедине…

Все, за исключением Льва, склонились в почтительном поклоне. Дождавшись, пока султан и глава стражи уйдут, визирь поманил лучников и самолично отконвоировал задержанного в какое-то подвальное помещение. Причём, что удивительно, не в тюрьму! Этакая уютненькая комнатка, вся в коврах, с широкой кроватью, заваленной шёлковыми подушками, медным тазом, кумганом с водой и выдержками из Корана на стенах… Окон, впрочем, не было, то есть благоустроенная, но камера… Запустив пленника внутрь, толстый визирь самолично припёр спиной дверь, снял надоевшую бороду и тихо произнёс:

– Ну, здравствуй, Лёва-джан…

Вместо ответа Оболенский от души дал Насреддину по морде!

…Вот здесь я впервые и задал, как мне казалось, вполне логичный вопрос, полный нескрываемой укоризны:

– С чего это тебе взбрело в голову заняться рукоприкладством?! Ведь Ходжа – твой друг и он…

– Именно! Именно потому, что он – мой друг, он и способствовал тому, что меня вновь загнали на этот грязный, вонючий, тёмный, страшный, нецивилизованный Восток! По морде я ему дал… заслуженно! Должен же я был хоть кому-нибудь дать в табло от полноты чувств?! Меня второй раз туда отправляют, даже не спросив, вежливости ради!

– Лев, не ори…

– Буду орать! В первый раз ладно… прощаю… Был не в себе, башкой об асфальт стукнутый, уши в лапше, весь из себя сплошной мусульманин (прости, Господи Иисусе Христе, мя грешнаго!..), ворую направо-налево, по гаремам культурно отмечаюсь, но ведь не от дурного воспитания, тут я чист, аки дитя неразумное! А во второй раз что?.. Я, между прочим, уже всё-всё понимал! Как последний идиот – в джинсовых шортах, новых сабо, футболочка фирменная, мобильник, часы приличные… были. И вот со всем этим – нате вам, Багдадский вор вернулся! А Ходжа знал, не мог не знать, уж он-то всегда всё знает! Фольклорный персонаж, блин, герой легенд и анекдотов… И что, ты думаешь, он после всего этого сделал?!

– Что? – осторожно уточнил я.

– Дал мне сдачи!!!

…Самое смешное, что обалдевший Лев воспринял это, в общем-то, абсолютно адекватное действо как акт самой чёрной неблагодарности. А посему добавил домулло ещё и по уху слева, чисто в воспитательных целях. В ответ получил незамедлительный пинок под коленку и рассердился уже всерьёз…

Добрых десять минут заклятые друзья тузили друг друга самым недружественным образом! Оболенский был выше и сильней, но Ходжа оказался более шустрым, к тому же подушка на животе успешно гасила ряд прямых ударов, не позволяя провести достойный апперкот. Кстати же, сам Лев первым

и прекратил бессмысленную потасовку, выбросив флаг перемирия…

– Всё, брэк! Один-один, а дерёшься ты всё равно по-девчачьи…

– В уличной драке главное – результат, – отдышавшись, просветил Насреддин. – Аллах дозволяет причинить обидчику равноценное зло.

– Вот так и дал бы мне в зубы, а то лягаешься, как мой Рабинович…

– Во-первых, он мой! Во-вторых, о невнимательный в познании мудрости, «равноценное зло» вовсе не значит «то же самое». Если какая-то собака укусит тебя за ногу, не будешь же ты ловить её с целью укусить туда же?! Хотя, клянусь святым Хызром, с тебя станется…

Они покосились друг на друга, потом улыбнулись и крепко обнялись.

– Ну, наконец-то, Ходжуля…

– Я скучал, Лёва-джан…

– Я тоже, и к вопросу о скуке… Это не ты надоумил одного нашего знакомого джинна?

Глава 4

«Энергетическая клизма»? Засуньте её себе знаете куда…

Академик Норбеков

В общем, им не дали особенно наболтаться по душам. Вышколенные восточные стражники, даже слыша явно подозрительный шум, не дерзнули бы войти внутрь без прямого приказа визиря. Однако, когда всё стихло, им взбрело в голову поинтересоваться: кто же всё-таки победил? То есть нет ни малейших сомнений, что болели они за своего, но проницательный взгляд высунувшегося

Ходжи мгновенно определил, кто, сколько и на кого поставил и почему выиграл…

– Охраняйте этого человека как зеницу ока! – строго, но чуть гнусавя, наказал он, прижимая к разбитому носу парчовый рукав. – Ибо султан наш, да сохранит Аллах его незыблемый ум в том же непоколебимом состоянии, как и было ранее от младых ногтей, имеет большие планы на этого грешника, при одном имени которого даже сам шайтан стыдливо прячет лицо своё между колен своих…

– Вай дод, как ему, наверное, неудобно, – сочувственно покивали представители кокандского спецназа, задвигая засов на дверях. А Лев Оболенский, плюхнувшись задом на мягкие подушки, погрузился в светлые воспоминания о славном Востоке! И ведь ему было что вспомнить, согласитесь, а?!

О бездонное небо Багдада, высокое и глубокое, словно взгляд голубых глаз Аллаха… О хрустальный смех смуглолицей Джамили, подобный звону весенней капели, перемешанному с шёпотом горного ручья, столь же чистым, сколь и мелодичным… О стихи старого Хайяма, его узловатые руки, пахнущие пылью пустыни и едва уловимым ароматом страниц зачитанного Корана…

– Блин горелый, что ж я о дедушке-то ничего не спросил?! Он ведь вроде не кисло там устроился, при дворе Гаруна аль-Рашида, премьером или советником по вопросам философического стихосложения после литра подшофе…

Пить Аллах не велит не умеющим пить,

С кем попало, без памяти смеющим пить,

Но не мудрым мужьям, соблюдающим меру,

Безусловное право имеющим пить!

В этом весь дед – ни дня без рюмки, а по молодости ещё и ни одной чадры мимо не пропускал… Вот у кого надо учиться умению ставить главные приоритеты в жизни!

За дверью раздался сдержанный гул, лязгнул отодвигаемый засов, и в подземелье к нашему герою торжественно шагнул глава городской стражи Коканда. Он искренне старался выглядеть как можно более величественно и грозно, что было трудно. Ибо далеко не каждый восточный мужчина, десять минут назад мокнувший в фонтане, способен производить устрашающее впечатление…

– Слушай, ты… шайтан неверный!

– Не-а, я верный шайтан, – вальяжно растянувшись на невысокой кровати, мурлыкнул Лев. – Чем обязан, достопочтенный сэр?

– Как ты смеешь, презренный шакал?! – взвился было отважный Аслан-бей, хватаясь за парадный ятаган, но огромным усилием воли совладал с собой. – Великий султан, да благословит его Аллах долгими годами и бесчисленным потомством, вознамерился поручить тебе одно щепетильное дело… Он верит, будто бы бесчестный Багдадский вор способен доставить к его стопам то, чего не смогла его же преданная стража?! Да я клянусь бородой пророка, что если ты только посмеешь…

За дверью раздался явственный стук каблучков. Начальник стражи тихо ойкнул и без предупреждения ужом ввинтился под кровать пленника. Невозмутимый Лев отреагировал на этот вопиющий поступок чуть удивлённым изгибом левой брови, не более…

В его благоустроенную камеру вошла очень толстая женщина в богатейшей струящейся парче, с плотно укутанным вуалью лицом. Опытным глазом «экспроприатора» Оболенский заметил, что украшений на ней вполне хватило бы на открытие собственного ювелирного бутика…

– Ты ли тот человек, которого называют Багдадским вором, о бесстыжий червь, смеющий возлежать перед самой главной женой нашего всесильного султана?!

– Не-а, по сути, я очень стыдлив, и если вам неудобно разговаривать со мной стоя – ложитесь, я охотно подвинусь…

Женщина, словно выплывшая Муму, начала лихорадочно хватать ртом воздух и даже, кажется, заметно увеличилась в размерах…

– Как ты… смеешь так… да я… одного моего… тебя тут же…

– Да, вот такой уж я несносный хам, что смею, то и жму, но большинству девушек это нравится, – пунктуально отвечая на все недовысказанные вопросы, продолжал наш герой. – Однако, пока вы, как самая весомая жена вашего султана, не повелели мужу сотворить со мной нечто противоестественное, может, скажете уже, зачем пришли, а?

– Затем, чтобы сказать тебе, что если только ты исполнишь повеление моего горячо любимого (да сохранит его Аллах и помилует!) мужа, то твоя смерть будет самой долгой, самой ужасной, самой мучительной и…

– И так далее, в соответствии с вашим кротким нравом и бесконечной добротой?

– О исчадие гиены и скорпиона, чтоб шайтан этой же ночью обгрыз тебе все ногти… – злобно зашипела женщина, но в этот момент знакомый фальцет самого Муслима аль-Люли Сулеймана ибн Доде раздался за гостеприимными дверями. Лев величаво указал даме пальчиком на «под кровать!», и главная жена султана, разом сдувшись, умудрилась-таки туда влезть. Невнятный всхлип, короткая потасовка, облачко пыли, вылетевшее снизу, кровать пару раз дёрнулась и тактично замерла…

В двери вошло главное действующее лицо правительства славного Коканда. Султан огляделся, закрыл за собой дверь и уже открыл было рот, как догадливый Оболенский предупреждающе вскинул руку:

– Ша! Хватит, наслушался! Всё, что вы тут намерены сообщить мне о моей гнилой сущности, я уже знаю, запомнил, осознал, выписал золотой арабской вязью на чёрных скрижалях беспросветного мрака моей преступной души, так?! Теперь, ради бороды святого Хызра с колесницей, чётко и целенаправленно – ЧЕГО НАДО?

Добрых пять минут с очень длинным хвостиком султан молчал, пыжась от сомнений. Его буквально на глазах раздирали два безумных противоречия – с одной стороны, жгучее желание немедленно казнить наглеца в соответствии со всеми наворотами шариата, а с другой, этот несносный злодей был ему для чего-то очень-очень нужен! Лев намеренно сделал предельно скучное лицо

и даже зевнул, хотя вставать и не собирался…

– Ты должен украсть для меня самую достойнейшую из жён, прекрасную пери Востока, красотой превосходящую всех райских гурий, с телом совершенным, словно её лепили руки Аллаха, и душой чистой, как слеза пророка! Понял ли ты, несчастный?!

– Угу, уже конспектирую. Осталось выяснить кличку и среду обитания этого подвида розового фламинго…

– О, её божественное имя, – не замечая иронии, продолжал султан, – подобно музыке флейты и свирели – Ирида аль-Дюбина!

Глава 5

Политкорректность придумал шайтан, для того чтобы честные люди не могли называть вещи своими именами…

Проверенный хадис

Сказать, что удивлённую морду Льва малость перекосило – значит не сказать ничего. В беспредельном изумлении он так распахнул рот, что Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде, не удержавшись, заглянул туда.

– Но помни, сын свального греха ехидны и крокодила, если об этом узнает хоть кто-нибудь…

Оболенский икнул, извинился и в ту же секунду разразился таким хохотом, что стены вздрогнули. Видимо, причина столь бурного веселья не была оценена султаном по достоинству. Восточная субординация вообще редко поощряет подобную фамильярность, и их величество, да сохранит его имя Аллах для неблагодарных потомков, дважды возмущённо фыркнул, притопнув ножкой.

Увы… Обычно трезво мыслящий Оболенский никогда не позволил бы себе этого быстро наказуемого хамства, но, будучи уверенным в друге Ходже,

он разошёлся на полную катушку. Нет, конечно, маленький султан внешне здорово напоминал разгневанного циркового пони, и его потешный вид не стоит сбрасывать со счетов, хотя гогот нашего героя всё равно мог быть и потише…

Но самое худшее, что за дверью вновь раздались голоса, и кто-то, несмотря на протесты стражников, настоял на своём праве войти. Льву ничего не оставалось, кроме как, свесившись, кивнуть султану, намекая на то единственное место, куда можно было бы спрятаться от нежелательного свидетеля. Самое трогательное, что и повелителю Коканда не пришло в голову ничего умнее, как подчиниться…

Насреддин вошёл внутрь, когда быстрый перепихон под кроватью достиг апогея взаимного абсурда и тихого ужаса всех заинтересованных сторон.

– Лёва-джан, друг мой, – без предисловий начал главный визирь. – Ситуация выходит из-под контроля, клянусь Всевышним, тебе придётся бежать этой же ночью… прошу, молчи и слушай! Наш тупоголовый султан (перестань строить мне рожи – я говорю о серьёзном!) вознамерился жениться на очередной неприступной красотке и отправить за ней самого Багдадского вора, то есть тебя! А эта старая уродина с лицом, подобным вымени макаки (речь, конечно, о главной жене нашего властителя, и не изображай обморок!), вбила себе в голову, что не допустит этого, а если надо, просто подсыплет тебе яду в шербет. Да, кроме того, сам начальник стражи Аслан-бей (чей ум я никак не могу сравнить с ослиным из уважения к Рабиновичу, да не ёрзай ты, дай рассказать!) обещался при всех справиться с этой задачей сам, навеки похоронив всю память о тебе в вонючем зиндане! Понял, о недогадливый и пустосмешливый? Ну а теперь досчитай до пяти и внятно объясни: почему ты так невежливо пытался перебить меня во время изложения столь важных фактов… Я правильно употребил слово «факт»?

– Да, – наконец-то успел вставить слово Лев, – но, знаешь ли…

– Знаю, я всё знаю, о великовозрастный внук вечно пьяного поэта, – на лету перехватил инициативу домулло, – потому и предупреждаю сразу: я с тобой не пойду! Тебя, разумеется, выведу и спасу, в память о нашей доброй дружбе, а мне есть что терять… О, кому рассказать, не поверят – каково это сыну бедного горшечника из Бухары выбиться в главные визири при султане Коканда! Я уже не тот Ходжа Насреддин, я имею достойный пост, помогаю простым людям, и самое главное, что здесь меня не разыскивают власти шести

мусульманских стран за преступления, в которых я практически не… Лёва-джан, у тебя зубы болят, да? Нет?! А зачем ты тогда так интимно хлопаешь ладонью по своей постели, ты на что-то надеешься или намекаешь…

– Да, – ещё раз безысходно подтвердил Оболенский, всей задницей, буквально физически, ощущая нарастающую мощь ярости, гнева и обид, зреющую под кроватью.

– Вай, собирайся, э?! Убегать пора, в любой час сюда может пожаловать сам султан вместе с начальником стражи, не говоря уже о старшей жене нашего властителя, чтоб шайтан приснился им всем беззвёздной ночью и пощекотал каждого в носу своим бесстыжим хвостом! Вставай, как главный визирь, я смогу провести тебя через…

– Бывший главный визирь, – уверенно поправил пленник, и от стальной незыблемости его тона Ходже стало не по себе.

– Почему это… бывший?

– Долго рассказывать, но уж поверь мне на слово… И, кстати, ты ещё не разучился бегать?

У героя народных анекдотов от ужаса встала дыбом искусственная борода, только сейчас он заметил три пары узорных восточных шлёпок, предательски выглядывающих из-под кровати. Ещё через пару секунд он безошибочно угадал, кому они принадлежат…

– Ты убил их, о исчадие северных иблисов?!! – с надеждой ахнул он.

– Нет, живёхонькие и, думаю, всё слышали…

– Тогда ты убил меня, – с чувством признал Насреддин. – Знаешь, у нас есть очень немного свободного времени, я как раз хотел показать тебе город, только очень быстро, ты уж не отстава-а-ай…

Последнее слово растянулось во времени и пространстве в соответствии со всеми законами физики и скоростью стартовавшего «визиря». Лев вздохнул,

потянулся, раза три хорошенько подпрыгнул на той же кровати и, только убедившись, что наплющил кого надо как следовало, припустил за Ходжой. Старые, добрые времена возвращались…

Ретивый Насреддин пулей нёсся впереди, вопя во всё горло: «Пожар! Пожар! Спасайтесь, правоверные!» Стражники послушно шарахались в стороны, бывший Багдадский вор тяжёлыми прыжками догонял друга, иногда с видимым удовольствием отлавливал перепуганных царедворцев, услаждая их уши львиным рёвом: «Пожар же, дубина! А ну быстро набрал полный рот воды и тушить! Тушить немедля, тунеядцы, мать вашу…»

К чести кокандцев, надо признать, что уклониться от такого призыва не посмел никто! Когда примерно через полчаса взбешённый Муслим аль-Люли приказал поставить пред свои грозные очи всех и сурово вопросил, какого шайтана эти дети иблисов молчат, как будто воды в рот набрали, семьдесят пять процентов едва не захлебнулись от восхищения проницательным умом наимудрейшего из всех султанов!

А тем временем из задней калиточки дворца спокойненько вышли два сборщика налогов, высокий и толстый. Как понимаете, таких людей даже охранники не задерживают, памятуя о том, что, «пока ты не наступил в дерьмо верблюда, оно не так уж и пахнет…».

К вечеру весь Коканд был более-менее обыскан относительно щепетильной стражей, по зрелом размышлении так никого и не нашедшей. А что вы хотите – поздний час, время вечернего намаза, и вламываться в дома правоверных мусульман в такую минуту есть непростительный грех перед Аллахом, ибо никто не вправе отвлекать молящегося от молитвы. К тому же блюстители порядка искали голубоглазого чужестранца и сбежавшего главного визиря. О том, что мимо них безнаказанно прошмыгнули два сборщика налогов, дальновидные воины разумно умолчали…

А в результате оба прожжённых авантюриста надёжно скрылись в ближайшей чайхане, демонстративно расположившись под самым носом разгневанного султана. Уж как и о чём великий и сиятельный побеседовал под кроватью со своей старшей женой и любимым начальником стражи, истории неизвестно… Думаю, эти двое успешно выкрутились, так как каждый остался при своём – жена при муже, а Аслан-бей при должности. Не нам их судить, нам гораздо интереснее, что сказал Ходжа Льву, когда убедился, что погоня их не достанет…

– Да поразит тебя шайтан цветистым чирьем во всю поясницу, который будет болеть, как единственный зуб самой злонравной из тёщ, и прекратит чесаться, словно язык гнуснейшей сплетницы всего мусульманского мира лишь в тот миг, когда хоть один из правоверных скажет о тебе доброе слово, не покривив душой перед Аллахом!

– Убавь транзистор, а? Без тебя тошно…

– А со мной?

Лев подавил рвущиеся наружу эпитеты и молча добавил соучастнику горячего чаю в пиалу, причём налил буквально всклень так, что не подымешь не расплескав. Ходжа понимающе вздохнул и, низко наклоняясь, стал прихлёбывать чай по-собачьи. Оболенский понял, что и тут проиграл…

– Значит, это не ты надоумил Бабудай-Агу вернуть меня на Восток…

– Лёва-джан, ты мне почти как брат и поверь, половина моего большого сердца принадлежит тебе, хотя ты и бросил меня в Багдаде, как последний хмырь… Это вроде недоношенного шайтана, да? Так вот, злая судьба завела меня в благословенный Аллахом Коканд, где я так уютно, так светло и безмятежно устроился в должности главного визиря, ежедневно вкушая халву с мёдом, плов с барашком и даже (прости, Всевышний!) румийское вино по большим праздникам, как вдруг являешься ты… И всё! Одно твоё появление, один взгляд голубых глаз, один звук знакомого имени сразу говорят понимающему истину – покой и благоденствие накрылись медным тазом… Ты вновь вернулся портить мне печень?

Глава 6

Чтоб к тебе родственники на всё лето приехали!

Цветистое астраханское проклятие

Наш герой, повесив буйную голову, как популярные персонажи русских сказок, горестно смахнул печальственную слезу и далеко не сразу определился с ответом.

– О мой альтернативно мыслящий друг, простишь ли ты мне узкоспециализированную поспешность выводов, основанную на плохом дошкольном воспитании и чисто психологических стрессах? И позволишь ли коротко, но внятно рассказать тебе о моём личном взгляде на сложившуюся ситуацию с точки зрения образованного человека иного мироощущения… Аргамак моих мыслей доскакал до твоего сердца, отстучав золочёными копытами смысл моих слов в твоей бубноподобной голове?

К окончанию этого заявления Ходжа уже практически обалдел и потому кивнул молча. Далее прошу, столь же молча, оценить ораторский талант моего разностороннего друга – он уложился в десять минут! За столь невероятно короткий отрезок времени он обстоятельно рассказал о том, что такое путешествие по мирам, светлое будущее человечества, научно-технический прогресс, консолидация религий и цивилизаций, внешнее отличие верблюда от «ломбарджини-дьябло», пошлость демократии, союз террористов и олигархов, опасность ввоза в страну игрушек типа «тамагочи» и передовые шаги по созданию карманных компьютеров на примере того же сотового телефона, который хоть и выглядел заманчиво, но «сеть» не обнаруживал…

Насреддин всё это выслушал не перебивая, за что ему тоже честь и хвала. Правда, потом честно признал, что такого бесстыжего вранья ещё не слышал…

– Чем мне надо поклясться?

– Ничем, ибо для тебя нет ничего святого… И вообще, ложись спать, а? Завтра на рассвете, свершив утренний намаз под пение муэдзинов, мы отправимся в дальний путь. А ведь мне ещё надо забрать верного Рабиновича…

– И где ты оставил моего осла?

– В султанской конюшне, – безмятежно зевнул бывший визирь и завалился на циновке на бочок. Его врождённому умению легко переносить взлёты и падения судьбы можно было только позавидовать, а вот Лев уснуть не мог…

…Как, кстати, и я. Ибо тень бессмертного Соловьёва пришла ко мне этой же ночью! Вообще-то, тени великих посещают меня не часто, хотя один раз приснилась даже Бритни Спирс! Нет, она-то, слава богу, ещё не тень, и фигурка у неё очень-таки осязаемая. Мы болтали довольно долго, причём она отлично говорит по-русски, и в основном классная девчонка, без лишних заворотов и звёздности. А вот Соловьёв – дело другое…

Он навалился на меня подобно песчаной буре, пылая праведным, с его точки зрения, негодованием:

– Я всю жизнь положил на то, чтобы написать эту блистательную дилогию о Ходже Насреддине! Я спал на кошме, жил в забытых Аллахом и советской властью кишлаках, пил жёлтую воду из бедняцких арыков – я собирал фольклор! По библиотекам, по архивам, изустно, собственной рукой торопливо записывая правдивые истории народов Азии о своём легендарном защитнике и бессмертном пересмешнике. Я работал, по многу раз переделывая сделанное, меняя главы и направления сюжета. Я отразил в образах глупого бея, скупого ростовщика, подлого визиря, жадного падишаха, продажного муллы все вековые чаяния простого люда! По моим книгам ставят спектакли и кино, их переиздают так, как раньше не издавали Коран – на прекрасной бумаге, с золотым обрезом и тиснением на натуральной коже! Как только ты посмел и помыслить о том, чтобы красть у меня героев?!

– Я и не… не крал особенно… Насреддина разве? Но… он ведь и не ваш лично, если честно, да?

– Как ты посмел исказить мой образ Багдадского вора?! – мигом переключился великий писатель, как-то незаметно обойдя скользкую тему с авторскими правами на Ходжу…

– А-а… это из жалости… просто вы его таким уродом изобразили…

– Я написал, что у него было «плоское, широкое лицо, совершенно голое, без всяких признаков усов или бороды, украшенное крохотным носом и парой разноцветных глаз: один тускло синел, затянутый бельмом, зато второй, жёлтый и круглый, смотрел пронзительно…». И это, по-твоему, урод?!

– Ну, мягко говоря…

– Уродство – это портить изысканную культуру Востока вульгарными словечками твоего Льва Оболенского! Да будь истинный Багдадский вор хоть чуточку на него похож, его бы исторгнули, как чужеродное тело, и Бухара, и Коканд, и Басра, и… И вообще, всё равно никто не знает, как он выглядел!

– Я знаю… – почему-то упёрся я и даже проснулся от обиды. Верьте не верьте, но утром книга Соловьёва забилась на полке в самый дальний угол и словно бы всерьёз надулась, впредь совершенно не желая со мной разговаривать…

…Лев, с недоеденным персиком в руке, вылез на плоскую крышу чайханы, наслаждаясь свежим ночным воздухом. Высокие звёзды Коканда, причудливо выстроившись в многовековой порядок зодиака, манили к себе по-восточному сахарной хрупкостью. Обычно все арабские или персидские поэты почему-то сравнивают звёзды с глазами возлюбленной, но глаза прекрасных азиатских девушек, как правило, чёрные или карие… Если в них где и сверкнёт звезда, то разве что от солнечного блика да случайной слезы. Это правильнее, это честнее, это ближе, ибо звёзды над Кокандом и есть сахарные слёзы томных восточных красавиц…

От восхищения поэтичностью места и полноты чувств Оболенский с размаху запустил персиком в луну. Бедняжка вздрогнула, но зря, персик до неё, разумеется, не долетел, а плюхнулся в чей-то двор, чавкнув перед смертью… Наш герой вздохнул и достал из-за пазухи сотовый телефон. Верный маленький «сименс» ничем не смог ему помочь, более того, демонстрируя всевозможные функции, популярный аппарат мобильной связи был беззастенчиво раскритикован правдолюбивым Ходжой Насреддином.

Домулло уверенно заявил, что мелодии скучные (типа «Бумбалаки-дон!» ни одной нет), дизайн не золотой и не серебряный, картинки рисовал сам шайтан (хотя Лев честно скачивал голых тёток с Интернета) и вообще, механика безбожно устарела (?!!). В том смысле, что у султана кокандского есть заводной павлин, усыпанный драгоценностями, так тот в нужный час распускает хвост, открывает клюв и гармоничным голосом славит пророка Мухаммеда, да сохранит его Аллах и помилует…

Надувшийся русский дворянин ещё раз вздохнул, от скуки понажимал кнопочки в последний раз, непонятно зачем указав время побудки на четыре утра. Потом вспомнил, что в шесть на весь город будут орать муэдзины, как заведённые будильники. Он плюнул, покачал мобильник в руке и в сердцах запустил им туда же, в звёздную высь. Луна второй раз на провокацию не поддалась, и телефон тихо брякнулся во что-то…

Вот в данной ситуации хорошо бы знать, во что именно. Незадачливый Оболенский ухитрился попасть в соседний постоялый двор, «сименс» стукнул по горбу сонного верблюда и мягко соскользнул в пустой кувшин для масла, общим объёмом вёдер на пятьдесят. О мой догадливый читатель, надо ли объяснять, что поднялось во всём Коканде в четыре часа утра…

…Лев категорически отказывался вставать, хотя перепуганный Ходжа тряс его, как хозяйка пыльный половик:

– Вставай, вставай, о несчастный! Ибо наш смертный час близок, грехи велики, а терпение Аллаха не безгранично…

– П-пшёл к шайтану, я и лёг-то, вот… буквально… минут пять… х-х-р-р!..

– Вставай, неужели ты не слышишь этих ужасающих звуков, отравляющих слух истинного мусульманина, приводящих в дрожь сердце, взбалтывающих желчь и плохо воздействующих на остатки костного мозга в твоей беспечной голове?! Прислушайся же, наша погибель уже воет совсем рядом… – В голосе бедного Насреддина чувствовался неподдельный страх.

– Это не вой, – оттопырив ухо, но не разжимая глаз, пробурчал недовыспавшийся россиянин. – Это… мой телефон, там побудка на четыре утра… просто у меня там мелодия такая…

– Мелодия?!!

– Ну, не мелодия… автомобильная сигнализация, смеха ради… Дай поспать!

– Как ты можешь под это спать?!

– Спокойно могу… Обычная противоугонная сирена, я всегда под неё сплю…

Бывший визирь лишь всплеснул руками, а потом плюнул и полез в окно – любоваться на разрушение города. Сразу за соседним глиняным забором бегали возбуждённые люди, полыхали факелы, взад-вперёд носились перепуганные верблюды, ревел скот, на подмогу спешила стража. Общая суматоха грозила затянуться или перерасти в гражданскую войну, полную весёлого непонимания. Постепенно включились женщины, и звуковое сопровождение заметно разнообразилось. Потом где-то загорелись тюки с ватой, а в удушливом дыму гоняться друг за другом всегда интереснее… Заунывный переливчатый вой маленького мобильника, многократно усиленный акустикой пустого кувшина, производил воистину неизгладимое впечатление. Количество задействованных лиц впечатляло, казалось, на уши поставлен весь Коканд!

Насреддин, с трудом оторвавшись от бесплатного представления, обернулся и даже с некоторой лаской взглянул на безмятежно посапывающего товарища:

– Воистину ты вернулся… Да убоятся враги гневного лица твоего, да пройдёт над этим миром очистительная гроза деяний твоих, да не достанется и мне, грешному, под горячую руку. Сладких снов тебе, Лёва-джан…

Глава 7

Хорошо жить на Востоке, а умирать на Западе… Аллах Акбар!!!

Из сайта Алькайеды

…Всё кончилось примерно через полчаса. Видимо, злосчастный кувшин был кем-то сбит и расколот, а отчаянные верблюды толпой затоптали компактный сотовый телефон. Стража палками разогнала горожан, караванщики только-только успели успокоить животных, люди преклонили усталые головы, и… бдительные муэдзины со всех концов Коканда одновременно начали утреннюю распевку. Причём многие славили Всевышнего в то утро особенно яростно, видимо, рёв автосигнализации и их поднял на два часа раньше, а это никому не улучшает настроения. Сам Лев Оболенский разомкнул ясные очи сразу же

по окончании намаза, решительно настроенный Насреддин стоял у его постели:

– Вставай, о мой нечистый на руку друг! Муэдзины уже восславили Аллаха, милостью своей даровавшего всем правоверным мусульманам это чудесное утро!

– А немусульманам что, солнце не светит?

– Светит, но исключительно из-за долготерпения Всевышнего, – с чувством пояснил Ходжа. – Вставай же и соверши утреннее омовение.

– Не буду я умываться, настроения нет…

– А… утренняя молитва?

– Слушай, не заводи, говорю же, настрой души пренахреновейший! Ляпну ещё чего лишнего, Аллах не порадуется…

Домулло трижды глубоко вздохнул, мысленно отметив уже две грубейшие ошибки Оболенского, и продолжил:

– Я заказал тебе на завтрак самый свежий курдючный жир, верблюжью требуху и блюдо почётного гостя – бараний глаз в кислом молоке!

Вытянувшаяся физиономия Льва приняла насыщенный зеленоватый оттенок, он с трудом овладел собой, усилием воли загнав попытавшийся выпрыгнуть желудок обратно в пузо. Узкие глаза Ходжи удовлетворённо блеснули…

– А ну скажи быстро: «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его!»

– Аминь, – равнодушно перекрестясь, подтвердил наш герой.

Бывший визирь Коканда присел на корточки рядом и тихо признал:

– Ты не мусульманин, ты не с Востока, и ты вообще непонятно кто.

– Примерно это я и пытался вдолбить тебе вчера…

– Помню, помню… Но знаешь, так ли уж это важно?! – неожиданно весело откликнулся Насреддин. – Будь ты хоть отъявленным христианином из самых замороженных северных стран, потерявшим родню, средства, ум и память… Главное, что ты непревзойдённый вор и мой друг!

– Нет.

– Что нет? Где нет?! «Нет» – это значит, ты мне не друг?!

– Друг.

– Вай мэ, зачем тогда первое нет?

– Затем, что я не вор, – твёрдо заявил Лев. – То есть с уголовным прошлым завязал и красть ни у кого ничего не намерен, ни за что на свете!

– Э-э…

– Сказал – не буду!

– А как же…

– Отвянь!

– Но… мой бедный ослик…

– Даже не уговаривай! – Голос Льва осёкся. – Минуточку, ты что-то там начал говорить о моём Рабиновиче?!

– В десятитысячный раз я объясняю тебе, о обиженный Всевышним злокачественной опухолью на весь мозг, что это мой осёл! И сейчас это ясноглазое чудо с трогательными ушками и точёными копытцами томится в плену на конюшне жестокосердного султана. О несчастный, он безнадёжно ждёт, когда я приду к нему, потреплю по холке, угощу сладким урюком

и лепёшкой с халвой… Увы, бедняжка! Напрасно ты всматриваешься в равнодушные лица слуг, напрасно ждёшь звука знакомых шагов, напрасно проливаешь огромные горькие слёзы, отвращая изысканную морду свою от золотых яслей с жемчужным ячменём… Горе твоё велико и разлука наша вечна, ибо… Этот несознательный тип не хочет тебя красть!

Оболенский встал и, набычившись, упёрся взглядом в стену. Сначала он даже немного побился в неё лбом, шишка получилась солидная, но щемящий облик родного парнокопытного не отпускал… Лев вспомнил, как они познакомились – два брата-дебила вели маленького ослика на продажу караванщикам или на скотобойню, а разрешить их некрасивый спор додумались попросить именно нашего героя. В результате оба злодея остались с носом, а окрещённый Рабиновичем ушастый друг по собственной воле делил с Багдадским вором все тяготы и приключения нелёгкой судьбы честного уголовника. Не спасти его теперь значило бы, по всем понятиям, предать друга…

– Я знал, что ты согласишься, Лёва-джан. И не делай такое удивлённое лицо, словно в твоём плове оказалась муха, хотя ты собственноручно клал туда только тараканов. В выразительном молчании твоей спины самыми большими буквами написано положительное решение. Ну и ещё пара нехороших слов обо мне, я не хочу их читать…

– Только ради Рабиновича! Первый и последний раз…

– Кто бы сомневался, вах?!

Последующие полчаса Ходжа с воодушевлением расписывал детали своего плана. История эта достаточно поучительна и забавна как для будущих ослокрадов, так и для защитников прав животных. А посему озаглавим её следующим образом: «Сказ об отчаянном Багдадском воре, его мастерстве, хитроумии и изворотливости, посрамившей официальные власти Коканда, просто так, на спор, для разминки!» Название, конечно, несколько длинновато, но за неимением лучшего…

– О муж мой, ты – знахарь, знахарь, а не ветеринар! – уже в третий раз настоятельно втолковывала толстенная ханум в длиннющей паранджe и кособоких тапках. Но её супруг, пёстро одетый, высоченный негр с блестящим чёрным лицом, голубыми глазами и огромной сумкой на плече, слушал

рассеянно, его донимали мухи. В самом деле, от чернокожего так сладко пахло, что насекомые никак не могли удержаться от соблазна…

– Почему у вас нигде нельзя купить нормальный театральный грим?! На меня же сейчас тополиный пух липнуть будет… И почему именно патока?!

– Я предлагал тебе дёготь… Лёва-джан, поздно менять обличье, для всех любопытствующих ты выглядишь настоящим марокканским знахарем – понимающим тайный язык животных и умеющим излечивать их хвори. Входи во дворец и кради НАШЕГО ослика, я обязуюсь отвлечь стражников высоким искусством игры в кости на раздевание.

– Хм… тогда я тоже хочу посмотреть!

– Я разденусь перед тобой вечером, как и надлежит благочестивой жене, чтущей законы шариата и соблюдающей свою красоту для единственного из достойнейших мужей. Я даже покажу тебе свою волосатую ногу аж до самого колена! А ещё хрипло спою и побью в бубен… Эй, Лёва-джан, муж мой, зачем ты так убегаешь?! Вай мэ, вот они, мужчины…

Не подумайте, что наш герой удрал от пустопорожней болтовни с псевдоинтимными намёками. В этом забористом деле образованный Оболенский заткнул бы за пояс трёх Ходжей, но сейчас он действительно ускорил шаг, потому что руки буквально чесались! Великий и неуловимый Багдадский вор ничего не хотел красть, но его музыкальные пальцы нуждались в практике. Он нёсся по базарной площади как чёрный демон, сияя патокой и на ходу осуществляя самые причудливые реформы «перераспределения ценностей»… Причём не оставляя липких отпечатков!

– Ва-ах, Абдулла, откуда у тебя такой богатый пояс?! Весь из золота, парчи, жемчугов и… а куда ушли твои штаны, Абдулла?!

– Я веду на продажу этого благородного коня…

– Это же баран?!

– Сам ты такое слово! Зачем так сказал, смотри, э-э…

– Это цыплёнок…

– Вай дод! Где мой конь?

– А только что был бараном… Слушай, я покупаю! Такой причудливый зверёк, весь разный, да…

– Это не мой кошелёк. У меня никогда не было столько… столько… сколько?! Воистину это мой кошелёк!!!

– Вай мэ, где моя жена?! Почему под этой паранджой, моя Гюзель маленькая, как газель, а ты суёшь мне слона, как твоя Марджина… убери её, я сказал тебе – не моя! Или моя, но зачем тогда везде выросла, да? Такая балда…

– Правоверные, я уже шесть раз заплатил за этот плов, положив свои кровные таньга в его жирную бесчестную руку! Куда ты меня трогаешь, шайтан?! Нет там заветной мошны с деньгами, это место называют чуть-чуть иначе…

– Хватайте его, мусульмане, он украл у меня целый дирхем! И вернул… нет, украл! Опять вернул… опять украл… Не трогайте его, мусульмане, я хочу понять, как это у него такое получается! Ну, покажи, покажи ещё раз, почтеннейший…

Когда наконец запыхавшийся Оболенский добрался до задней калиточки дворца, он чувствовал себя в великолепной форме! В двери распахнулось маленькое оконце…

– Открывай, служивый, Айболит пришёл. – Лев протянул руку, приветственно постучав стражника по шлему. Самое удивительное то, что ему безропотно открыли…

Глава 8

«Окы-казывыется, неп-правильный мёд это, ик!.. Медовуха!!!»

Медведь с опилками в голове

– О сладко пахнущий марокканец с лицом чёрным, словно глянцевый зад самого шайтана, что ты хочешь во дворце кокандского султана? – вежливо спросили два стражника, выставив копья.

– Пришёл качать права чернокожих, – едва не обалдев от столь неприкрытого расизма, выдавил русский дворянин. – Это, короче, я весь такой популярный знахарь из дружественной Эфиопии. Прислан полечить ваших лошадок мануальной терапией и оздоровительными клизмами со свистком! В смысле как засвистит – прячьтесь…

– Когда прятаться? Зачем прятаться? Куда засвистит?! – доверчиво залопотал тот, что помоложе, но его старший товарищ подозрительно сощурился:

– Мы не звали никакого знахаря, и, хвала небесам, во дворце есть кому позаботиться о скакунах нашего господина. А почему у тебя такие голубые глаза?

– Да потому, что я сам… – в сердцах едва ли не ляпнул Лев, но в этот момент за его спиной раздался мелодичный смех Ходжи Насреддина:

– О, храбрые воины, отвагой подобные львам, а мудростью бессмертным змеям храмов Бомбея, простите моего глупого мужа! Аллах даровал ему редкий дар излечивания животных, но, увы, ровно столько мозгов, чтобы понимать такого же барана… Пока он занимается своим нехитрым делом, могу ли я, достойная женщина, полная тайных страстей и явно выпирающих достоинств, положиться на вашу честь?

– Разумеется, – расцвёл старший, – но сначала на мою…

– Сыграем в кости на раздевание? – откровенно повёл круглым бедром бывший визирь.

Видя, как заискрились взоры обоих стражников, Оболенский осознал, что проход свободен. А проскользнув внутрь, заодно и вспомнил, как именно следует обращаться с простодушными восточными людьми, если хочешь добиться

нужного результата:

– Разбегайся, народ, негр с клизмою идёт! Кого видит в нужной позе, ставит сзаду наперёд! От Ташкента до Багдада клизмой лечат всё, что надо! Всем поставлю и спасу, никого не обнесу! Посторонись, правоверные, где здесь конюшня, не доводите до греха, по-хорошему уговариваю-у… – Орать приходилось в полный голос, потому что от такого рекламного пения все честные мусульмане действительно прятались по углам и с глупыми вопросами не приставали.

Вроде бы даже сам Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде, слыша эти вопли, высунулся в окошечко со второго этажа и, узрев в руках «черномазого» жутковатых размеров потёртую клизму (кожаный мешок с двумя бамбуковыми трубками), лично попросил кого-то из приближённых указать «этому горластому шайтану» путь к султанским конюшням… Так что к стойлам Оболенский добрался без проблем. Правда, главный конюх что-то там пытался попротестовать, но наш герой быстро нашёл с ним общий язык:

– Коллега, вот только не хрен лезть с немытым рылом к опытному проктологу! Лечить геморрой лучше до того, как он вас сам к этому принудит, то есть профилактически. Хотите лично полюбоваться – прошу! Идём сбоку, под руку не лезем, советы держим за зубами и смотрим, учимся, конспектируем… Итак, кто у нас тут?

– Двадцать белых арабских скакунов, – с готовностью доложил конюх. – Им нет равных в беге, выносливости и неприхотливости. Аллах создал это чудо природы одним поцелуем своих божественных уст!

– Да вы поэт, милейший, прямо Анна Ахматова, – искренне порадовался чужому таланту Лев. – А вон там, в уголке, что такое пыльное, ушастое, на тонких ножках?

– Осёл. Худший из ослов, появившихся на свет из неблаговонных газов самого шайтана! Ибо он хитёр, упрям, коварен, мстителен, злобен, свиреп и воистину дьявольски умён…

– Им займёмся в последнюю очередь. Знаешь, что это такое?

– Вино… – Конюх мигом угадал содержимое извлечённого «знахарем» сосуда.

– Ты знал, ты знал, ослушник шариата! Ну, ладно, не бойся, я никому не скажу. Смотри сюда…

И на глазах поражённого в самую печень конюха он спокойненько распаковал сумку и разлил содержимое двух полуторалитровых кувшинов в лошадиные кормушки. Кони принюхались, но ячмень с вином пах так соблазнительно, что ни одна скотина не отвернулась…

– Вопросы есть?

– Нет, уважаемый, – решил показать свою образованность верный слуга султана. – Арабским скакунам иногда дают немножечко слабого вина, это поднимает им дух, делая воистину отчаянными в бою!

– Ха! Слабенького вина, говоришь?! Попробуй, угощаю, тут как раз на два глотка – за избавление от этого осла и позор шайтана, явившегося на дефиле в несвежем бикини!

И кстати, конюх, воровато оглядевшись, не стал косить на то, что «Аллах запрещает», а лихо отхлебнул из протянутого кувшина. Правда, потом едва не сел в пустое стойло – крепость ароматного вина едва ли уступала самой араке!

– Коньяк, палёный, – значимо улыбнулся Оболенский. – Друг по блату достал у румийских контрабандистов. Ещё плеснуть?

Слабые отнекивания собутыльного объекта наш умник счёл просто несерьёзными; ещё грамм двести – и конюх был готов… Лошади тоже посматривали в сторону «знахаря» с нетрезвой влюблённостью, а в самом дальнем стойле кое-кто уже вовсю вертел хвостом и пристукивал копытцами!

– Рабинович, солнышко ты моё лопоухое! – Лев распахнул воротообразные объятия. – Дай обниму и поцелую в шейку! Как же я по тебе соскучился, кто бы знал, вай мэ, в натуре…

Восторженный ослик с разбегу прыгнул ему на руки, норовя по-собачьи лизнуть в нос. То, что его любимый хозяин был выкрашен коричневой патокой и выглядел как ходячее чучело панка в зоологическом музее, его не волновало нисколечко! Уж он-то знал, кто есть кто и по кому он так долго тосковал! В огромных глазах непарнокопытного горела столь незыблемая преданность, что у Багдадского вора перехватило горло… Такую дружбу не могла заглушить ни разлука, ни расстояние, ни жестокосердное время!

Теперь эти двое, заботливо вытирая слёзы радости друг у друга, выглядели настолько счастливыми, что конюх приподнял голову и даже заревновал:

– У-у… зачем и пщ-е-му ты так обнимаешься с эт-тим зловредным ослом, о сладкопахнущ-щий марокканец?!

Лев с Рабиновичем заметно смутились, опустив реснички. Потом Оболенский аккуратно поставил серого соучастника на все четыре копытца и, вспоминая, как это делал Ходжа, начал проникновенную речь:

– О благочестивый и интересующийся наставник кобыл и собеседник жеребцов! Да будет известна тебе великая тайна – на самом деле этот ослик вовсе не тот, за кого он себя выдаёт…

– Я з-знал, что он двоюродный племянник ш-йтана! – пьяно обрадовался конюх.

– Ой, не мети пургу, заткнись и слушай, да?! Итак, он не племянник шайтана…

– Другой его р-дственник?!

– Он – зачарованный принц! – патетично рявкнул «знахарь». – Понял, ты, черенок от навозной лопаты?! Зачарованный принц, превращённый ужасным ифритом в бессловесную скотину! Впрочем, очень обаятельную и привлекательную…

– Эт-то принц?! Вай дод… тогда настоящий осёл – эт-то ты, п-чтеннейший…

– А в глаз?

Видимо, в глаз пьяный конюх всё-таки не хотел, поэтому перевернулся на другой бок и невежливо захрапел. Оболенский с трудом удержал в груди желание пнуть его в зад и, присев на корточки, занялся делом. Точнее, преступлением….

– Так, это кремень, а это кресало, вкупе называются одним красивым словом «огниво». Значит, тем стукаешь по тому, и… и… и в результате… Пофигень какая-то получается, не горит! – Бывший москвич мужественно пытался добыть огоньку. – А всё Насреддин, скупердяй кокандский, нет чтоб нормальные спички выдать или зажигалку приличную. Ладно, погоди, вроде искрит уже… уже-э-э-э…

Лев не сразу понял, что происходит, когда его шею кто-то ловко взял в стальной захват. Бледный от натуги Рабинович, с круглыми от ужаса глазами, отчаянно пытался задушить своего хозяина! Ужас всякого здравомыслящего ослика при виде поджигателя собственного стойла предавал ему нечеловеческие силы…

– Пусти… дурашка! Это ж… так… чуть-чуть, для па-ни-ки-и-и…

Увы, верный лопоухий друг лишь удвоил нажим. Едва не задыхаясь, красный Оболенский кое-как перехватил левое копыто ослика и, выкручивая его, чудом произвёл бросок через себя. Теперь они схватились по-честному в партерной борьбе сумо…

Удивлённое цоканье конюха застало их врасплох:

– Вай мэ, так эт-то не ты обнимаешься с ослом, а он с т-бой?! Воистину вы н-нашли друг д-р-га, о соблазнительнейший из интимнейших марокканцеф-ф…

Оболенский и Рабинович покраснели одновременно. Бывший Багдадский вор тихохонько отбросил за спину кремень и кресало, а ни в чём не повинный ослик столь же простодушно отступил назад, оттолкнув «улики» новенькой подковой куда подальше. В какой момент на солому упала случайная искра, не заметил никто…

Глава 9

Не умеешь в воде скорбеть, не пугай карасиков!

Оцензуренный шансон…

Через пять минут дым из конюшни валил клубами! По двору с воплями и матюгами носился здоровенный негр в тлеющих одеждах, держа под правой мышкой чихающего осла, а под левой – храпящего конюха. Закопчённые арабские жеребцы с залихватским хохотом гарцевали вокруг, радостно создавая общее состояние праздничной суматохи!

Великий султан соизволил высунуться в окно и полюбопытствовал, в чём конкретно заключено всё веселье? Потом ходили слухи, что якобы какой-то марокканец или араб прямым текстом проорал в ухо достойного правителя Коканда нечто такое, что всесильный Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде сначала это минут десять расшифровывал, а потом скоропалительно объявил священную войну-джихад всей Эфиопии!

Сам Лев утверждал, что лишь безобидно указал султану на уровень его умственного развития плюс упрёк в непрофессионализме той нетрезвой акушерке, что принимала его венценосные роды, и весьма короткий адрес с исчерпывающим указанием направления в то место, где весь прогрессивный народ хотел бы видеть такого, с позволения сказать, управленца…

– Догнать! Обезглавить! На кол посадить безбожного оскорбителя моей персоны, – бесновался низкорослый правитель, но, увы, его мало кто слушал.

Вся дворцовая челядь старательно тушила пожар, грозящий перекинуться с конюшни на внутренние постройки двора. А тут ещё резко налетел шаловливый ветер, в две минуты выкрасив холёное лицо султана копотью и сажей. Белые арабские жеребцы напоминали теперь русских бурёнок, хмель из их голов выветрился быстро, но возвращаться в тлеющие стойла животные не хотели, произвольно разбредясь по коридорам дворца. Народ проклинал шайтана (который конечно же изрядная сволочь и враг рода человеческого!), но к данному погрому личность абсолютно непричастная… Давайте хоть в фэнтези элементарную соблюдать историческую справедливость!

– О муж мой, ароматно пахнущий горелой патокой, ты вернулся? – радостно вскочил навстречу другу Ходжа Насреддин. Он был едва ли не по колено завален личными вещами честно обобранной стражи. Оба недоумка, и старый и молодой, стыдливо прикрывались медными щитами – тем единственным, что у них ещё осталось…

– Как вовремя, – взмолился старший. – О, почтеннейший знахарь, забери от нас эту достойнейшую во всех отношениях женщину, сумевшую оградить собственную честь, сохранить доброе имя и ограбить нас столь ловко, что мы не в претензиях…

– Хотя бы штаны отдай, э?! – не выдержав, сорвался молодой.

Лев поставил на землю Рабиновича, плюхнул на кучу тряпья блаженно сопящего конюха и отвесил несильный подзатыльник Ходже. Чисто пользуясь случаем, ведь в женском обличье Насреддин не мог дать ему сдачи…

– Пошли домой, моя луноликая толстушка. Ты, кстати, утюг выключила? А тут вот не выключил кто-то, и у людей полконюшни спалило к едрёне-фене!

– Вай мэ, спешу, несусь и спотыкаюсь, о мой добрый господин, – сквозь зубы процедила «достойная жена», но охотно рванула за калиточку первой. Оболенский пропустил осла и, обернувшись, широким жестом вернул всё проигранное страже:

– Забирайте, мужики! Как говорится, вы нас не видели, мы вас… Ферштейн?

– Я, я, натюрлих, – радостно кивнули оба.

Багдадский вор слегка обалдел от такого ответа, автоматически вскинул руку в приветствии рейха и соизволил удалиться… Кстати, на самом деле особо удивляться было нечему – уже в те дремучие времена Восток активно торговал с Западом, и во дворце султана кокандского ганзейские или румийские гости редкостью не являлись. Широко образованная стража первой общалась с иноземными гостями и уж десяток-то слов знала наверняка…

… – Что, вот так запросто подожгли всё, обобрали стражников и…

– Стоп, откуда ты узнал, что я стащил кошельки этих медноголовых полиглотов?! – Лев едва не поперхнулся горячим чаем.

– Да уж, сию великую тайну логики мне придётся накрыть вуалью мрака и унести с собой в могилу.

– Аллах зачтёт тебе это искреннее деяние! – Мой друг серьёзно одарил меня крестным знамением. – Знаешь, там я действительно отрывался по полной программе, благо был в полном сознании и трезвой памяти. То есть мог позволить себе буквально всё – перед кем там выёживаться-то? Эмиры, султаны, падишахи – дебилы клинические, лечить – только портить. Стражники – гоблины узкоглазые; визири, нукеры, чиновники всякие – хуже депутатов наших, продажные до жути, и за взятки у них не сажают – наоборот, поощряют это дело всячески! Народ всё терпит… Ну, или терпел… до определённого периода… Пока не появлялись мы с Ходжой – дальше начиналось шоу! Записываешь?

…Вечером того же достопамятного дня хозяин чайханы, где по-прежнему столовались наши прогрессивные герои, подал им плов с самой чудесной историей об утреннем пожаре во дворце. Как ни парадоксально, но имён Оболенского и Насреддина не прозвучало, во всём якобы виноват склочный лопоухий шайтан, до времени прикидывавшийся безобидным осликом.

Рабинович, привязанный во внутреннем дворике, слышал всё, старательно делая вид, что уж он-то кристально честный осёл, и даже пару раз возмущённо фыркал, осуждая бесстыдство шайтана, проворачивающего свои делишки под маской порядочных вьючных животных…

– Увы, слава – дым, – философски заключил Ходжа, отодвигаясь от дастархана. – Но ты сдержал слово, о мой голубоглазый друг, и я не вправе помыкать тобой дольше. Ты решил ступить на стезю праведности? Что ж, Аллаху угодны раскаянья беспросветного грешника, мне остаётся лишь пожелать тебе удачи. Иди…

– Не понял?

– Я говорю, иди! Ты неограничен и волен в выборе пути. Сваливай отсюда, пока достопочтенный Аслан-бей не снял своим ятаганом твою кудрявую, но пустопорожнюю голову…

– Это… ты меня гонишь, что ли?!

– Это ты гонишь, Лёва-джан! – уже всерьёз возвысил голос бывший визирь. – Ты не местный, не наш, не отсюда и не мусульманин даже на полтаньга. Тебя никто не звал, ты сам припёрся и всё время хочешь куда-то вернуться. Ты лишил меня работы, выгнал на улицу, поставил вне закона, но!.. Твой воровской талант вернул мне осла, которым я дорожу, за что отдельное спасибо. Далее – всё, свободен, мы в расчёте! Аллах в помощь – попутного ветра во все паруса твоих кораблей пустыни… Что уставился, как джейран на новые ворота в норке знакомого тушканчика?

Оболенский пару раз порывался что-то вставить в своё оправдание, но потом плюнул, рывком встал с пола, резко бросившись к дверям и… столь же резко вернулся обратно, бухнувшись на прежнее место.

– Я могу считать это твоим ответом?

– Отвали…

– Конкретнее, почтеннейший?!

– Да, я – вор, мне некуда идти, и у меня здесь нет друзей, кроме тебя и Рабиновича, – вынужденно признал Лев, наверное, только в эту минуту реальность стала перед ним во всей своей неприглядной красе.

Да, именно так, ибо реальность данного мира, созданная волей Всевышнего, прекрасна всегда, а неприглядной или уродливой её делает лишь призма нашего взгляда. Чем незамутнённей взор, тем красивее мир. Видимо, поэтому дети улыбаются чаще взрослых…

Ходжа жестом поманил чайханщика, и после недолгих уговоров тот принёс пузатый фарфоровый чайник, взяв взамен целую монету серебром.

Гора, вина хлебнув, и то пошла бы в пляс.

Глупец, кто для вина лишь клевету припас.

Кто сказал, что мы должны вина чураться?

Вздор! Это дивный дух, что оживляет нас, –

с этими словами Насреддин неспешно наполнил рубиновой жидкостью пиалы и протянул товарищу по несчастью:

– Твоё здоровье, о величайший из всех воров, за твоё большое сердце и чистую душу!

Первую пиалу гроза Багдада осушил не отрываясь, в два глотка, а потом заплакал – ему очень хотелось домой…

Глава 10

Кто шайтана не видал, тот Аллаху не молился…

Проверено на себе

Я уже как-то писал, на основе собственного опыта, что неожиданному перемещению в другой мир радуются только законченные идиоты, не попавшие в сумасшедший дом лишь по небрежности отечественной медицины. Когда мой друг впервые попал на Восток, он особенных комплексов не испытывал как раз таки в связи с вышеуказанной причиной. Стукнутость головой, потеря памяти, ну и окружающие ещё подыгрывали, конечно… Сейчас всё было иначе.

Лев плакал от разлуки с женой и сыном, от невозможности вернуться, от безысходности и лишения всех благ цивилизации – один общий туалет на заднем дворе чайханы приводил его в тихий ужас! А сон на блошиной кошме, а запах от верблюжьего загона, а жирная пища, а элементарная невозможность принятия нормальной ванны (ибо ванная, по словам пророка Мухаммеда, есть «нечистое место»!)…

Белая кожа, голубые глаза, русые кудри, абсолютное незнание местных законов и обычаев… Теперь-то он понимал, что будет смотреться на базаре Коканда примерно так же естественно, как пингвин в экваториальной Африке или кенгуру на площади перед мэрией в Петропавловске-Камчатском! Не будучи плаксой по натуре, Оболенский честно рыдал именно от осознания серьёзности причины и повода…

К тому же дружелюбный Ходжа в этот раз отнюдь не спешил его утешить. Вина подливал, это да, но от успокаивающих похлопываний по спине демонстративно воздерживался. Он заговорил лишь тогда, когда убедился, что чайник окончательно пуст…

– Я помогу тебе вернуться, как совет мудреца помогает торопливому юнцу поймать отражение луны, убедив его не сигать за ней на дно колодца, а поискать в пиале с чаем. Твой дед Хайям ибн Омар, да благословит его Аллах, говорил: «Посрами жестокого эмира, и награда не оставит тебя». Ныне я говорю: посрами султана Коканда, и, может быть, благодарный джинн вернёт тебя туда, откуда взял. Ведь он действует по промыслу Всевышнего, а Всевышний склонен испытывать правоверных…

– Мысль трезвая, – сипло признал Лев.

– Вай мэ, естественно, ты ведь почти всё выпил сам, в одну харю! Тьфу, какое нехорошее слово… Как ты его только произносишь, Лёва-джан?!

– Я ещё и не такие знаю, небритый репер…

– Ну-ка, ну-ка, ну-ка, поучи меня, о подсохший помёт безрогого сайгака!

– Едрит твою в Мадрид, да знаешь, кто ты после этого?!

…Короче, второй чайник вина «завязавший» Оболенский просто украл из соседней лавочки. Спать они повалились далеко за полночь, а ранним утром произошло первое из целой цепи невероятных и чудесных событий, с коими благородному русскому вору пришлось нос к носу столкнуться на таинственном и лукавом Востоке!

Итак, Коканд, шесть утра, вот-вот должны дружно начать хоровую утреннюю распевку муэдзины, а наш главный герой Лев Оболенский просыпается, продрав глаза, от острой необходимости сделать то, чего за него, увы, никто не сделает… То есть вино, как ни крути, а ещё и жидкость, да? Мужики меня поймут, уж тут если приспичило – встанешь! Лев быстренько просеменил во двор, нашёл подходящий столбик и спасся, а вот когда вернулся в комнату – застал там поразительную картину…

Некое гуманоидоподобное существо, неопределённого чёрного цвета с пошлыми розовыми проплешинами, тоненькими козлиными ножками, рогами и длиннющим тушканчиковым хвостом, замерло над мирно храпящим Ходжой Насреддином с весьма недвусмысленной целью. То есть, честно говоря, прошу прощения за физиологичность, оно уже почти «отвернуло крантик» и явно намеревалось надуть прямо на голову беззащитного домулло!

Лев едва не обомлел от такой наглости и рванул наперерез. Однако этот странный тип не испугался, а лишь бесстыже ухмыльнулся Оболенскому, демонстрируя отличнейшие персидские зубы, и даже приложил пальчик к разъезжающимся губам, якобы призывая к молчанию…

– Ах ты сукин кот! – взревел православный потомок знаменитой русской фамилии. – Да чтоб я молчал, когда моего же друга всякий драный стрекулист будет обливать жидкостями, не рекомендуемыми шариатом?!

– Он сам виноват, совершив сразу два греха, – неожиданно писклявым до ультразвука голоском ответило существо. – Первый грех – э-э, пьянство, а второй – пропуск утренней молитвы…

– Так… он же её ещё не пропустил?

– Сейчас пропустит, – ещё гнуснее осклабился хвостатый. – Не мешай мне, э-э, чужеземец, постой в сторонке…

Лев вдруг с ужасом понял, что его ноги словно бы приросли к полу, и он не в силах сделать больше ни шагу! Коварное существо отвернулось и нацелилось спящему Насреддину прямо в ухо… Бывший Багдадский вор до зубовного хруста закусил рвущийся наружу мат и, невероятно изогнувшись, мощной рукой сгрёб злодея за длинный хвост!

– Э-э?! Чужеземец, ты… это… Ты против кого посмел?!! – только и успел чирикнуть несчастный, когда Оболенский от души шарахнул им об стенку! Потом об пол, потом об другую стену, об низкий потолок, об угол дастарханного столика, об жёсткий подоконник, об… Ноги нашего героя по-прежнему были налиты свинцом, но хват надёжным, плечи широкими, а душа полна праведного гнева!

– Я же… э-э… шайтан! Меня нельзя-а… бяк!

От шума наконец соизволил проснуться и герой народных анекдотов.
Но, прежде чем он вытаращил глаза и прошептал «храни Аллах», – с улицы раздался протяжный призыв муэдзинов к утреннему намазу. Лев как раз впечатал хвостатого спиной в некрашеный косяк.

– Я… тебе… отомщу! Жутко отомщу, э-э… – напоследок пообещал шайтан, растворяясь в воздухе.

Оболенский тупо посмотрел на свою ладонь, на разруху в комнатке и, дрогнув, едва не упал – ноги вновь обрели привычную лёгкость походки.

– Мне это приснилось, Лёва-джан?

– Похмелюсь – скажу.

– Вай мэ, неужели ты действительно дрался с самим шайтаном?!

– Угу… видать, мы оба здорово перебрали вчера… – недоверчиво почесал в затылке мой друг и пустился обстоятельно рассказывать всю предысторию. Полторы минуты спустя Ходжа Насреддин, бывший визирь Коканда, неистово молился, как ещё никогда в жизни! Смущённый Лев тоже перекрестился пару раз, но украдкой…

Глава 11

Всяк соврет, да не как фантаст!

Профессиональная гордость

– Ещё пророк Мухаммед предупреждал, что правоверному, пропустившему утренний намаз, – шайтан помочился в уши! Ибо со зловредной мочой врага всех мусульман в ухе образуется пробка и благословенный призыв муэдзинов не может быть услышан. Воистину ты спас меня и мою душу!

– Ага… а в результате стал личным врагом шайтана. Мне стоит себя поздравить?

– Аллах не оставит без заступничества того, кто дерзнул бить шайтаном по потолку, – высокопарно вскинулся Насреддин, но тут же уточнил: – В смысле не оставит правоверного мусульманина… Но тебе ведь ещё не поздно принять ислам!

– Спасибо, я под столом пешком постою… – отстранил пылкого товарища Лев. – Лучше скажи, надолго ли мы застряли в этом вонючем гранд-отеле и чем конкретно мне надо осрамить твоё бывшее начальство, чтоб меня вернули домой?

– Вай мэ-э… ну, наш султан вроде бы хотел новую невесту. Если ты помешаешь ему, то может быть…

– А ты слышал имя этой цыпочки? Нет?! Её зовут Ирида аль-Дюбина, единственная и неповторимая!

Ходжа вылупился на Оболенского, как Волк на Бабушку в поясе шахидки, а потом опрокинулся на спину, едва не задыхаясь от хохота! Контраст мелкорослого Муслима аль-Люли Сулеймана ибн Доде и двухметровой богатырши из высокогорного кишлака был столь разителен, что казался чистой воды провокацией. Да, наоборот, надо приложить все усилия к такой свадьбе, ибо в первую же брачную ночь благоверная невеста попросту раздавит мужа! Тут уже и срамить-то никого не надо, сразу панихиду заказывай…

– Вот Ахмед бы удивился, – отсмеявшись, вытер невольные слёзы бывший домулло, – они с Иридой сочетались законным браком по шариату и вроде бы

счастливо живут в благословенном Багдаде. Из которого мне, кстати, пришлось бежать, намазав пятки бараньим жиром. Понимаешь, вокруг меня вечно складывается такая нервозная обстановка, что…

– Уговорил, иблис сладкоречивый, кого надо украсть – Ириду, башмачника Ахмеда или самого султана?

– О благорождённый внук нарушителя всех заповедей, ты буквально читаешь мои мысли! Тебе придётся украсть их всех… можно по очереди.

– На фига они нам все в одном флаконе?!

Ответить Насреддин не успел, да в общем-то не очень и собирался. Судя по всему, у него были какие-то свои, далеко идущие планы, поэтому дал другу знак заткнуться и поманил к окну. Лев повиновался, молча пожав плечами. Кстати, честно говоря, за окном ничего особенного видно не было, только клубы пыли на улице за соседним караван-сараем. Там ещё мелькали пики с флюгерами и кое-где поблёскивали медные шишаки городской стражи.

Господин Оболенский с трёх раз догадался, что это сам отважный Аслан-бей изо всех сил едет исполнять женихательный каприз сиятельного Муслима ибн Доде. То есть, по идее, достаточно упасть на хвост вооружённого отряда, дабы дойти до цели беспроблемно, в уюте и безопасности. Всё-таки в пустыне без каравана пропадёшь, жара, пыль, песок, отсутствие нормальных пунктов питания и отдыха. Плюс «чёрные коршуны» – банды знаменитых неуловимых разбойников из бедуинских племён, которые в те времена наводили серьёзного шороху на всё благородное купечество. И ведь это ещё далеко не единственная опасность…

Страшные пустынные кровососы-гули, беспощадные ифриты, злобные джинны (не признавшие Коран!), соблазнительные в губительной страсти женщины-скорпионы, мелкие песчаные демоны, безглазые старухи, предсказывающие будущее под сенью крыльев нетопыря, духи умерших без имени Аллаха на устах, безносые карлики, затачивающие свои зубы до остроты мышиных когтей, страшные ночные птицы, выклёвывающие глаза у путников, чьи руки склонны к греху… А ведь я не перечислил и трети!

К счастью, всё это знания, начитанные мною, а Лев о них просто не знал, иначе бы ни за что не позволил увлечь себя в эту авантюру. И, по совести говоря, мне сейчас очень трудно определить, кто его туда подтолкнул – тонко улыбающийся Ходжа или злобно мстительный шайтан? Последнему в нашем романе тоже отведено отнюдь не второстепенное место…

– Ладно, пора идти, Лёва-джан, одевайся.

– Нет! Я сказал – нет, и даже не улыбайся так – левый крен тебе под дышло. Не буду я больше патокой мазаться, и афроамериканца изображать тоже больше не буду! Мало того, что на мою физиономию все мухи садятся, так ещё и хозяин чайханы два раза глазки строил и монету серебром из-под фартука показывал. Чего он от меня, сугубо традиционного, хочет?! Не буду я больше «шоколадным зайцем», и не уговаривай…

– Вай мэ, зачем плакать, оденемся женщинами!

– Уф-ф, ну, другое дело… Хоть один день погуляем по кокандскому Бродвею как цивилизованные трансвеститы. Реснички красить?

Домулло помолчал, определил, где тут юмор, и, не тратя лишних слов, сунул в руки товарища чёрную паранджу. Потом они полчаса спорили, кто поедет на осле. Сошлись на том, что оба. Ещё с полчаса приводили в чувство расплющенного двойной ношей Рабиновича. В результате все трое, разумеется, двинулись в путь пешком. Первое испытание дожидалось их прямо на базарной площади…

– Ради Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего, подайте слепому калеке! Не скупитесь, о правоверные мусульмане, Всевышний не оставит вас без награды. Посрамите же козни шайтана и уделите хоть полтаньга несчастному, пострадавшему от рук бесчестного Багдадского вора, – заунывно тянул тощий оборванный нищий. Его лицо было затянуто замызганной тряпочкой, оставляя открытым лишь длинный нос да щербатый рот без двух коренных зубов.

Ходжа равнодушно просеменил мимо, но гневный Лев, разумеется, встал как вкопанный, грозно раздувая ноздри под паранджой. Миг – и его рука щедро сыпанула горсть серебра в протянутую ладонь… Грязные пальцы восторженно

сжали монеты, а длань Оболенского – запястье нищего:

– Колись, тунеядец, за раскрошенный батон на Багдадского вора!

– Не заводись, подружка… – поспешил вступиться домулло, уличные скандалы были не в их интересах.

– Нет, он мне ответит!

– Кто ответит? Зачем ответит?! Ради всего святого, отпусти мою руку, о могучая женщина с грубыми манерами, – завертелся оборванец. – Пусть толстая ханум заберёт от меня этот кошмар правоверных мужей! И я никому ничего не скажу…

– Это я-то толстая ханум?! Ах ты…

– Не заводись, подружка, – ехидно продублировал Лев. – Но обрати внимание, Ходжа, этот тощий скунс не слепой!

– Тогда я сам дам ему в глаз, и он хотя бы окривеет! Не держи меня за талию, Лёва-джан…

– Ходжа… Лёва-джан… – Нищий, бессвязно бормоча, вскинул голову, двигая кадыком, словно бы пробуя на вкус произношение давно забытых имён. – А этот прекрасный ослик… неужели Рабинович?! Друзья мои!!!

Повязка полетела наземь, и взорам наших героев предстал бритый, загорелый до черноты башмачник Ахмед. Тощий «изготовитель фирменных тапок с загнутыми носами» на глазах поражённых кокандцев подхватил на руки двух добропорядочных женщин и резво исполнил короткий танец неуёмного восторга! Короткий, потому что одна ханум поражала объёмом, а другая плечистостью и ростом, то есть суммарный вес впечатляющий. Естественно, «три брата акробата» рухнули прямо на чей-то лоток с фруктами…

– Кореш, похоже, он действительно рад нас видеть. Чуешь, как хрипло дышит?..

– Это потому, что мы сидим на нём, о недогадливый!

– А я-то думал, это он от счастья… Так встать, что ли?!

Бдительный Рабинович подпихнул Льва храпом в поясницу – привлечённые шумом, к ним сурово шествовали четверо стражников. Героического Аслан-бея среди них не было, но любое привлечение внимания слуг закона работало против нашей троицы. Поэтому обе «ханум» быстро вскочили на ноги и бодренько попытались удрать, но не успели – их перехватил разгневанный хозяин лотка.

– Кто мне заплатит за мою хурму, о бесстыдницы?!

– Вай дод, вай мэ, вах, вах, вах! – отчаянно закудахтал Насреддин. – Мы честные женщины, порядочные жёны и заботливые матери.

– Я так вообще почти уже тёща! – весомо добавил Лев и, не тратя слов, просто наступил торговцу каблуком на ногу, одновременно выкладывая ему в руку золотой дирхем. В смысле инцидент исчерпан…

– Стойте! – Стражи в любом случае решили проявить служебное рвение. – Кто вы, почтеннейшие, и почему повышаете голос в присутствии мужчин?

Ходжа открыл рот, дабы что-то соврать. Оболенский в ту же секунду едва не разразился феминистической речью эмансипированных дур. Рабинович всерьёз прикидывал броситься стражникам под ноги, сбить всех четверых и дать возможность нашим уйти. Но дребезжащий голос воскресшего башмачника всё расставил по своим местам:

– Это… мои жёны… обе! И как же я их люблю… сразу!

Глава 12

Десерты надо не жрать, а ковырять!

Фрекен Бок

…Честно говоря, для того чтобы в полной мере оценить юмор этой блистательной фразы, надо было видеть внешний прикид Ахмеда. Во-первых, соответственно популярной поговорке, босой! Драные штанишки едва прикрывают костистые колени. На ребристом торсе замызганная безрукавка, на бритой голове войлочный колпачок, шесть раз обмотанный затрёпанной скатертью. То есть египетская мумия времён Птолемеев одевается для выхода на базар чище и элегантнее…

И этот уличный обмылок нагло утверждает, что две прилично упакованные женщины (а Оболенский, как известно, всегда крал только лучшее!) типа и есть его (не Оболенского!) жёны?! Ну, это примерно, как если бы общеизвестный жековский слесарь дядя Вася заявил, что женат на Монтсеррат Кабалье, а морду Баскову он начистит гаечным ключом завтра же, чисто из ревности, ага… Естественно, стражи тоже не очень во всё это поверили и вежливо уточнили:

– Этот шелудивый баран в самом деле ваш муж, о почтеннейшие?

Ходжа со Львом переглянулись и уже практически кивнули, как вдруг впавший в панику башмачник резко прыгнул на спину Рабиновичу, пнул ослика мозолистыми пятками и заорал на весь квартал:

– За мной, парни! Да поразит шайтан всех недогадливых слуг закона изысканной болью в то место, куда им не заглядывает солнце. Нас не догоня-а-ат!!!

С равным успехом можно было бы в лицо назвать остановившего вас гаишника козлом в погонах. Кокандские стражники посмотрели на скрывшегося в клубах пыли башмачника и плавно перевели пылающие местью взоры на оставшихся «ханум». Насреддин и Оболенский стояли, как два идиота или две идиотки. Шоу трансвеститов кончилось…

Как только первый из четверых страж протянул руку к паранджe домулло, бывший визирь сумел постоять за себя, применив недозволенный, но так любимый всеми женщинами удар коленом в пах. Чрезмерно ревностный служака рухнул с горловым писком раздавленной канарейки… Предупреждая действия остальных, Лев могучим рывком зашвырнул в них лоток с остатками фруктов, и две «злостные нарушительницы шариата» дали дёру! Доброго башмачника Ахмеда они цветисто материли уже на ходу…

Вай мэ, что же это за избранная прелесть – погоня на восточном базаре! Какое высокое упоение со свистом и гиканьем нестись вперёд, перепрыгивая через горшки и корзины, мешки и хурджины, а кое-где и через невысоко сидящих дервишей…

О, сбитые с ног торговцы, покупатели, лотки, палатки, навесы, а также мелкий негабаритный скот… О, поминальный хруст свежих фруктов под ногами, экзальтированная мусульманская ругань и недолетающие плевки разочарованных верблюдов вслед… О, бессильная ярость суровой стражи, получающей сполна за всё, что творили две резвые, безбашенные «эмансипе», отчаянно отстаивая своё право на свободу и волеопределение… Нет, по сути, их всё равно бы, конечно, поймали. Оторваться от стражи можно всегда, но когда, в конце концов, к погоне присоединяется полбазара…

Ходжа с разбегу затолкал разгорячённого друга в какой-то полотняный шатёр, где двое почтенных дедушек наводили красоту, полируя у брадобрея блестящие макушки. Сам маэстро ножниц и бритв на минутку вышел выплеснуть мыльную воду. То, что произошло дальше, было, несомненно, наитием! Причём снизошедшим не с высоты небес… Наши прохиндеи, не сговариваясь, одновременно сорвали с себя длиннющие паранджи, сунули в них обалдевших аксакалов и бесцеремонно выставили вон!

Почти в то же мгновение толпа догоняющих радостно сгребла двух «преступниц» и передала с рук на руки запыхавшейся страже. Тот факт, что при досмотре под личинами ханум были обнаружены два возмущённых старца – никого не удивил, все и так догадывались, что забитые восточные женщины подобных марафонских фортелей с прискоком вдоль базара обычно себе не позволяют. А оправдания красных пенсионеров… кому они интересны?! Никому! Как никто и не обратил внимания на двух достойных мужей в белых одеяниях, бочком выскользнувших из палатки брадобрея. Тем паче что обоих почти сразу же приняла в свои объятия кучка студентов из близстоящего медресе, тиская и подбрасывая…

– Какая пьяная корова их укусила?!

– Не ругайся, Лёва-джан! Сделай дружелюбную улыбку, сощурь голубые очи и кивай. Похоже, нас за кого-то приняли…

– Не вы ли, почтеннейшие, будете двумя великими учёными богословия, толкователями Корана, знатоками хадисов – достойнейший Мирза аль-Азад и мудрейший Мирза аль-Кумрад? – в упор спросил самый активный из студентов, по виду и манерам настоящий комсомольский вожак.

– Парень, окстись! Мы не две Мирзы и даже не две Кирзы, хотя и два сапога пара, – натуженно сьюморил Лев, но Ходжа толкнул его локтем в бок, намекая на поддержание маскировки, и, поправив ватную бородёнку, елейно подтвердил:

– Мой образованнейший друг всегда столь изысканно шутит… Разумеется, это мы. А что угодно от нас юным ученикам кокандского медресе?

– Как что? – удивлённо икнул юноша. – Разве не вы ниспосланы эмиром бухарским для проведения у нас беседы на богословскую тему?! Пройдёмте, аксакалы, вас все ждут!

Оболенский, гневно зыркая глазами, мимикой изобразил другу всё, что он с ним сделает, когда вырвется на свободу. Насреддин же всего один раз кивнул в сторону довольно прохаживающихся стражей и важно позволил ввести себя в обшарпанные ворота высшего учебного заведения…

– Как я понимаю, он ведь был очень образованным человеком для своего времени? – уточнил я, делая вынужденный перерыв, потому что рука уже просто отказывалась писать.

Сытый Оболенский с фужером вина может поэтично трепаться и час, и два, и пять. Конспектировать все его творческие навороты причудливой смеси вымысла и реальности – труд просто каторжный! В следующий раз непременно включу диктофон, а сейчас…

– Ну, в смысле знания текстов Корана наш Ходжа, конечно, был подкован будь здоров, – царственно согласился мой друг. – У меня, разумеется, столь фундаментальных знаний в багаже с гулькин хрен. Хотя, с другой стороны, в работе преподавателя главное не начитанность, а практика. И потом, тема-а…

– Что тема?

– Тема лекции, прочитанной нами в медресе в духе философско-религиозного диспута, звучала так: «Любовь и секс в исламе»!

Я поплыл со стула…

…Кокандское медресе представляло собой жилой комплекс размерами с отдельный квартал. Здесь был обширный двор, высоченный минарет, причудливо изукрашенный голубой глазурованной плиткой, глинобитные хозяйственные постройки, общежития для студентов и палаты для учительского состава и некое подобие открытых лекционных террас под полотняными навесами. Обязательные «намазы» проходили во дворе, коллективная молитва более угодна Аллаху, а кроме того, приучает молодёжь к дисциплине и послушанию.

В принципе Лев студенческой среды не боялся, просто по-арабски прикрыл лицо свисающим краем чалмы (дабы скрыть отсутствие достойной аксакала бороды) и вовсю болтал с почтительными восточными юношами. Нетактичных вопросов ему не задавали, ничем особенно не грузили, даже, наоборот, намекали на отдых в благословенной тени, горячий плов и свежий зелёный чай.

Вскоре наши герои были сопровождены в уютную прохладную комнатку, где их действительно ждал роскошный стол – свежие лепёшки, горячий плов, инжир, урюк и бастурма…

– Ха, вот это я понимаю – накрыли поляну, обеспечили заезжих лекторов полным почётом, в смысле «ты меня уважаешь?!», а после такой обжираловки я готов поставить всем зачёт не глядя! Вот только… вина почему-то нет. В кувшине вода, в миске простокваша… Скупердяйчато получается, полный вай дод!

– О, мой вечно ненасытный друг, позволь напомнить тебе, что мы находимся не где-нибудь, а в медресе! В том святом учреждении, в чьих стенах и помыслить нельзя о нарушении запретов шариата! Хотя одну-другую пиалку креплёного не помешало бы…

– Да сохранит вас Аллах и помилует, почтеннейшие коллеги. – В двери неожиданно шагнул высокий старец с подозрительным взглядом и высокомерно вздёрнутым носом. – Надеюсь, ваши желудки полны, ибо молодые сердца, жаждущие принять мудрость ваших суждений и слов, уже ждут во дворе. А как известно, промедление есть первый воин шайтана! Вам следует идти, пока они чего-нибудь не порушили от любви к науке…

Ходжа поднялся без спора. Оболенский свою лепёшку доедал уже на ходу, но бросить отказывался категорически. Тему лекции им объявили при всём честном народе…

Глава 13

Любая фраза, вырванная из контекста, приобретает значение прямо противоположное тому же контексту!

Практическая философия

…Высокий старик (казий, декан, в общем какая-то шишка данного учебного заведения) взошёл на небольшую трибуну и объявил вольному студенчеству о начале чтений:

– Воистину возрадуйтесь все те, кто находится на пути постижения божественной книги Корана, ныне в наш дом вошли два известнейших мудреца из благословенной Бухары. Прошу почтительно склониться перед знаменитым Мирзой аль-Азадом и учёнейшим Мирзой аль-Кумрадом!

– Да продлит Аллах их годы, – заученно кивнула молодёжь.

– Они расскажут вам о главном, о любви к Всевышнему! Откройте же сердца свои, освободите ум и соберите внимание, ибо слова отмеченных благодатью старцев ценятся выше презренного золота и серебра!

Как вы понимаете, после такого роскошного представления нашим аферистам предполагалось соответствовать своей роли на все сто процентов. Лев и Ходжа

впервые всерьёз осознали себя известными, популярными и значимыми.

– Наплетите что-нибудь этим детям баранов на часок-другой, – скучным шёпотом посоветовал начальствующий пенсионер, освобождая трибуну. – Я буду ждать вас в той же комнате с вином и девочками, приятными глазу…

Оболенский и Насреддин почувствовали, что их опустили под линолеум… Долгую минуту молчания они стояли раскрыв рты, один на один с ожидающей откровений аудиторией. В напряжённой тишине нудно жужжали откормленные восточные мухи…

– Начинайте, почтеннейшие! – не выдержал кто-то с задних рядов.

– Э-э, так на какую тему мы тут сегодня собрались? – кое-как прочистил горло растерянный домулло.

– На тему любви и Аллаха!

– Так на тему Аллаха или любви? – попытался хоть за что-то зацепиться сообразительный россиянин. Народ переглянулся, и началось…

– Парни, насчёт любви к Аллаху двух мнений быть не может – его надо любить, и всё! Аллес, абзац, конечная точка кипения! А вот если по вопросу любви в целом… так сказать, её более земные проявления… Ну, там позы всякие, «Камасутра», шведская семья, мини-юбки и пирсинг в пупке – это можно и пообсуждать!

– Молчи, несчастный, – придушенно взвыл Насреддин, пытаясь прикрыть «коллеге» рот, но поздно – публика встрепенулась с живейшим интересом половозрелого поколения. Первый заданный вопрос был ещё достаточно робким:

– А позволительно ли законным супругам, по шариату, видеть друг друга без одежды?

– Ну, ясен пень! На какого ж, спрашивается, она тебе сдалась, жена законная, завёрнутая в сто одёжек, под паранджой да одеялом в сорокаградусную жару с интимом до теплового удара?! Женщина должна таять под мужским взглядом

и раскрывать тебе, любимому, всё подряд, пуговку за пуговкой. Кстати, стриптиз в этом смысле очень способствует… «Укус пчелы» кто-нибудь видел, нет?

Судя по дружному вздоху понимания, видели многие, а прочие были наслышаны в лучшую сторону. Дальше пошло пооткровеннее…

– Допустимо ли женщине в любви находиться поверх праведного мусульманина?

– Нет! – возвысил голос Ходжа, чувствуя, что ситуация уходит из-под контроля, ибо если дать волю «образованному» Льву, то медресе можно закрывать в связи со вспышкой сексуальной революции. – Нет, ибо воистину опыт мудрых говорит нам, что, если хотя бы одна капля женской влаги попадёт на тело мужчины, он покроется язвами и чирьями, его кожа почернеет и лопнет, а душа попадёт в ад! Женщина сверху травмирует его печень, перегрузит почки, заставит ускоренно биться сердце и доведёт до…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-belyanin/posramitel-shaytana

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити